

Сергей Фомичëв

Серая Орда

Сергей Фомичёв

Серая орда

«Издательские решения»

Фомичёв С.

Серая орда / С. Фомичёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-006385-7

Второй роман Мещёрского цикла. Середина XIV века. Русское средневековье. Ожесточённая борьба князей за политическое господство над Русью пробуждает иной раз силы неведомые, мистические, страшные. Небольшое Мещёрское княжество невольно оказывается в центре событий. В дело вступают чародей Сокол и его молодые друзья. Произведения, помимо изрядной доли художественного вымысла, основаны на реальных исторических событиях, легендах и преданиях.

ISBN 978-5-04-006385-7

© Фомичёв С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Серая орда Мещёрский цикл Сергей Фомичёв

© Сергей Фомичёв, 2016

© Наталья Торопова, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Гребцы устало работали вёслами. Давно смолкли их песни, и даже уханье больше не вылетало из пересохших глоток. Верста за верстой толкали они против течения тяжёлый корабль. Сперва вверх по Волге до Нижнего Новгорода, где остановились всего лишь на день, теперь по Оке. Вот уже месяц пути. Почти без передышки...

На корме, под лёгким полотняным навесом, хозяин ладьи ханьский купец Чунай угощал своего гостя и попутчика Варунка, младшего из сыновей мещёрского князя. Угощал чаем, редкой диковинкой не только на Мещере, но и во всех землях окрест.

Облачённый в линялый плащ юноша сидел, скрестив ноги, и слушал купца, изредка касаясь губами бело-глиняной чашки. Привычному к ягодным отварам да пиву Варунку чай не нравился. Слишком горьким и терпким казался напиток, хотя жажду и правда утолял неплохо. А Чунай, чудак, утверждает, что и усталость чай снимает. Не поверил купцу Варунок, но чашку каждый раз брал, не желая обидеть хозяина.

Тот говорил не переставая. Описывал спутнику свою далёкую родину и страны, что лежат между ней и Мещерой; рассказывал о всяких чудесах, встреченных в странствиях, о брате своём, по имени Чунба, ушедшем в монастырь. За месяц совместной дороги Варунок услышал от купца много занимательного, больше даже, чем довелось ему узнать в Сарай-Берке.

Чунай коверкал русские слова то на ордынский лад, то на свой, ханьский. Получалось иногда смешно, и не всегда понятно.

— Князья не купцы, канечна. Много дома сидят, народ стерегут, города. Слышать больше, чем видеть сами. Но ты молодой. Встретить ещё не такой...

Раздался глухой треск. Одно из вёсел преломилось и ударило гребца потерявшей тяжесть реки рукоятью. Тот схватился за скулу и, что-то промычав, сполз со скамейки.

К навесу поспешил ладейный старшина.

— Четвёртое весло за два дня теряем, — хмуро сообщил он. — Запасных не осталось больше. В боку течь, парус в лохмотьях. Не дай бог ветер волну поднимет, потонем...

— В Муроме вистанем на три диня, — распорядился Чунай и повернулся к княжичу. — Извини, кинязь. Люди отдых нужен. Ладья починка. Никак не выходит в сроки тебя доставать.

— Ничего, — улыбнулся юноша. — От Мурома дорогой пойдём.

— Опасно дорогой, — поцокал купец. — Муромский леса, не дубравушка.

— Я вырос в них, Чунай, доберусь. Князь Юрий не откажет, поможет лошадьми.

— Как зинаешь, кинязь.

Муром показался уже через час. Тепло попрощавшись с корабельщиками, Варунок и сопровождавшие его мечники соскочили на берег, едва ладья зацепила днищем песок.

— Лучше твой пождать, — опять возразил купец.

— Спешу я, — ответил юноша. — Да тут всего ничего остаётся. Сотни вёрст не будет. Лошадьми два дня пути. Пока ты ладью починишь, я уже дома буду. Спасибо за всё и до встречи!

— Ах, кинязь... — покачал головой Чунай, провожая взглядом куций отряд Варунка.

Глава первая

Даньщики

Окрестности Коломны. Октябрь

Сентябрь в этом году не удался. Как зарядили в конце лета дожди, так и лили не переставая. И только к началу октября небо просветлело, допустив до земли запоздавшие тёплые деньки бабьего лета. Дороги, однако, так до конца и не просохли. Люди, когда возможно, пользовались речным путем, но большей частью по сёлам сидели.

Старый Яндар обосновался в Березовом Логе недавно. Бросил ветхий свой дом в Туме, переехал жить к сыну. Оно, конечно, помирать на чужбине нехорошо, но куда деваться, коли один остался. Старуха померла, дети давно разъехались, кто в Мещёрск, кто – вот как Мичу – на московскую сторону. Сын с женой и детьми потеснился, пустил жить: не велик от старика и убыток, а отцов почитать надобно. Впрочем, сам Мичу и уговорил его переехать.

Звали сына здесь, правда, не Мича, а Миша, Михаил то есть.

Мещёрцы среди селян встречались редко, в основном русские жили. Вот они всё на свой лад и переиначивали. И как сразу понял Яндар, не только имена переиначивали – вся жизнь здесь устроена по-другому. Непривычно. А ведь, вроде, та же Мещера, только сторона московская. Нет, конечно, народ трудолюбив – полей разворошил столько, сколько ни в одном мещёрском селе никогда не поднимали. Да только что за радость работать на тех полях беспросветно. Зёрнышко бросишь, три поднимешь. И так всю жизнь. В лес ходят мало, зверя не знают, травы – одна знахарка местная только и ведаёт.

– Тут, отец, люди богаче живут. И удачи больше, – серьёзно ответил на расспросы сын.

Яндар не стал спорить о богатстве и удаче. Каждый по-своему это видит.

Жизнь на новом месте оказалась тихой и спокойной. Народ заходил, знакомился, но особого любопытства Яндар у людей не вызывал. Другое дело, когда сам Мичу селился. Первым делом он, ещё до того как семью перевозить, один приехал – вопрос с миром решать. Староста, мужики собрались тогда, говорили с ним долго, присматривались. Сколько в тот вечер выпили, Мичу вспоминать не любил. Наутро место под дом определили, поле мерили. Дом всем селом ставили – небольшой сруб для почина. Дальше уж самому предстояло обжигаться, расстраиваться. В следующий вечер к Миче парни переведаться пришли. Посмотреть, что за овощ такой, как удар держит. Мича все испытания прошёл. А тогда уж и семье время пришло в село перебраться – жене, то есть, с детьми. Сыну-то мальчишки сельские свою проверку устроили, поваляли малость в пыли. Ничего. Жену с дочерьми бабы испытывали каким-то их бабьим чином. Не подвели и они. Ну а с Яндара какой спрос – старый отец к Мишке жить переехал, ничего особенного. Не на кулачках же со стариком биться.

А недавно село будто подменил кто. Сперва занялись разговоры: дескать, гостей ждем. Потом суэта разгорелась, беготня. Мича вдруг принялся вязать в узлы вещи, долго выговаривать что-то жене, старшей дочери. Старик, ничего не понимая, поначалу испугался, не из-за него ли весь сыр-бор? Может, глупость какую сморозил против здешних обычаев?

Сын успокоил.

– Даньщики едут. Село готовится.

Но подробно ничего не объяснил. Мол, и так всё понятно.

Более или менее прояснилось, когда в дом заглянул сельский староста дед Кузьма. Дедом его прозвали рановато – Кузьма выглядел ухватистым и крепким ещё мужичком – из тех, которых в старосты непременно и выбирают.

– Предупредить зашёл, – сказал он Миче. – Завтра быстрее всего приедут. Где схроны – знаешь. Баб своих да добро лучше с вечера отвези. От греха подальше. Даньщики, ёпть.

– Отвезу, дед Кузьма, – кивнул Мича.

Несмотря на сугубую занятость, староста воспользовался случаем и присел поговорить с Яндаром. Мудрости стариковской перенять никогда не бывает лишним.

Посидели, поговорили. Кузьма рассказал про свои края. Яндар о Туме, о Мещере, о том, что понравилось ему здесь, что не понравилось. Потом, к концу разговора не выдержал, спросил – отчего суета такая.

– Даньщиков ждём княжеских. Слышал, небось? – ответил Кузьма.

– Были же они месяц назад? – удивился Яндар.

– Теперь вот другой раз ждем, – пожал плечами староста.

– Частят что-то. А чего так? – допытывался старик

– Да в прошлый-то раз обычные подати брали, а теперь – выход ордынский.

Староста вздохнул.

– Ордынский выход? – удивился Яндар. – Это что за зверь?

– Дань в орду, – пояснил Кузьма.

– В орду? – пуще прежнего удивился Яндар. – А почто вам дань орде-то давать? Не свой князь на Москве разве? Или степи у вас завелись вместо лесов?

Теперь удивился уже Кузьма. Да так, что утерял на время всякую к старику почтительность.

– Ну ты, старый, сказал... Видать сразу, что недавно из лесу вышел, – староста развел руками. – Князь сидит, как не сидеть. Князь платит хану ордынскому. А мы князю. Уразумел?

– Эвон как хитро, – нисколько не обиделся на грубость Яндар. – Да нечто у вас два хозяина на одной земле? Чудно как-то. Один хозяин должен быть. Один только. Не то понабегут – где двое, там и трое. Ужель кормить всех их?

Яндар почесал ухо и добавил.

– Нет, у нас орде дань не платят.

– Да ну? – не поверил Кузьма. – У всех платят, а у вас, значит, нет?

– Не знаю как у всех, но у нас не платят, – упёрся Яндар. – Не веришь, вон сына спроси, небось, не забыл он ещё родных-то мест.

Мича, сидевший в отдалении и разговору старших не мешающий, кивнул головой, подтверждая правоту отца.

– Да, дела... – протянул Кузьма.

Потом, хитро сощурившись, добавил:

– Вот и мы не больно-то платим. Оттого и суета.

Суета набирала ход. К приезду даньщиков готовились. Готовились так же тщательно, одновременно с тревогой и вдохновением, как к отражению набега ордынцев или соседей.

Уже накануне в тайные лесные схроны переправили всё ценное добро, что копили годами и поколениями. Туда же отправили большую часть скота – и в первую голову коней, которые могли приглянуться, ненароком, княжеским кметям. Прятали от греха подальше и молодых девушек, потому как правда – правдой, договор – договором, а и своеволия княжеских подручных случалось на веку селян достаточно. Прятали не только красавиц,

но и вообще всех незамужних девиц. Дружина, явись она, как это часто случается, пьяной, не больно на красоту смотрела.

В ожидаемый день налёта даньщиков, людское движение достигло размаха, сопоставимого только с тушением крупного пожара. Когда Яндар вышел утром погреть на солнышке старые кости, лихорадка охватила уже всё село.

На высоком холме, словно полководец на поле брани, стоял дед Кузьма. Староста смотрел на все четыре стороны разом, прошупывая взглядом каждую пядь вверенного ему села. Замечая неладное, он отправлял вниз кого-то из заранее собранных под рукой ребятишек. Точно вестовые, что доносят до полков приказы воеводы, мальчишки сбегали с холма, разнося по дворам поручения. То замазать грязью выглядящий слишком свежим и крепким сруб недавно поставленной избы или амбара. То заменить стоящую в проулке добрую повозку на старую, рассохшуюся. То убрать следы молотбы.

Указания старосты никто не оспаривал. Всякая беда, будь то пожар, война или приезд сборщиков дани, требовала от мира сплочения. Для того и выбирали набольшего, чтобы одной головой без лишних споров успевать.

Впрочем, хозяева дворов не отставали от старосты и «приводили в упадок» обстановку своих дворов сами. В угаре всеобщей лихорадки один из зажиточных мужиков принялся кособочить и частью проламывать собственный плетень-огород, а его жена перебирала в амбаре репу, вытаскивая поверх кучи самые порченные, сморщенные корнеплоды.

Когда Яндар поднялся на холм, Кузьма втолковывал шустрому пареньку:

– Поди к той старой сосне, что стоит на взгорке, возле дороги коломенской. Заберись на макушку и сиди, жди, когда отряд появится. А тогда мигом обратно и знак дай, что, мол, едут. Оттуда далеко дорогу видно – версты на три-четыре. Да смотри не пропусти воров-то, не то уши оборву. Ну, беги давай, с богом.

Когда мальчишка умчался «в дозор», Яндар подошел ближе.

– Думаешь, этим их проведёшь? – с сомнением спросил старик, окидывая рукой село.

Конечно, глупо всерьёз полагать, будто сборщики не ведают, сколько в селе дворов, сколько серебра и продовольствия можно и нужно собрать с общины. У князя и его наместников, само собой, были люди, которые ведали такими делами. Но ещё больше выплывало доброхотов, что загодя обо всех доносили. В первую очередь священники, во вторую – торговые закупщики, да и всякого другого народа шастало по сёлам немало.

Укрытие от сборщиков добра – дело с точки зрения народа праведное, почти священное. Ничего, что всё причитающееся сборщики в любом случае изымут, но сверх того не возьмут и на следующий год выход не поднимут – уже хорошо.

– Не проведёшь, – согласился староста. – Да только последний раз сами ордынцы появлялись здесь ещё при прадеде моем. Тогда считали дворы да дымы, чертёж составляли. По тем меркам и берут до сих пор выход. А село-то разрослось, разбогатело. Так что, прямая нам выгода лишнего не казать. А ну как теперь кто из баскаков заедет?

– Пошевеливайтесь, православные! – весело и громко заорал Кузьма.

Православные пошевеливались. Вот мужики перетаскивают по брёвнышку на задний двор свежий сруб; вот выпрягают из воза добрую кобылу и ставят вместо неё старую клячу; вот бабы убирают с плетней выбеленное домотканое полотно и вешают взамен серые с дырами тряпицы. Жизнь бурлит и радует селян, которым уже и прискучило за лето без развлечений.

Когда утро начало понемногу «скисать», сборщиков заметили.

– Едут, едут! – закричал давешний мальчонка, со всех ног мчась к селу от рощи.

– Что-то рановато, – буркнул Кузьма и отправился на свой двор.

Здесь хранилось всё, собранное у селян. Уже уложенное по бочкам, коробам и возам, предназначенное к сдаче добро ожидало княжеского посланца. Согнанный скот стоял в загородке поодаль. На тот случай, если витязи надумают остановиться в селе на обед или ночлег, прибраны были избы, натоплены бани и приготовлены угощения.

Услышав крик вестового мальчишки, девки, задержавшиеся в селе, и не успевшие вовремя схорониться в лесах, рванули отовсюду к глубокому, заросшему берёзами овражку, что и дал когда-то название селу. Вслед за девками поддавшись настроению, а может и, возомнив о себе лишнее, подались и немолодые уже бабы. Даже одна из сельских старух, вызывая всеобщий смех, подобрала подол и поковыляла, сопровождаемая веселым свистом, к оврагу.

Молодые парни, наоборот, принарядившись, подтянулись ко двору старосты, с надеждой попасть на глаза приезжим. Вдруг да и глянется кто из них воеводе – и возьмет он удальца в свою дружину. И такие случаи, говорят, бывали. Само собой, и мальцы вертелись здесь же – но эти-то больше из любопытства.

И вот со стороны Коломны из рощи появился отряд. Невеликий, всего в дюжину всадников и безо всякого обоза. Впереди, сверкая дорогой броней, не прикрытой ни плащом, ни какой иной накидкой, ехал местный волостель.

Наместники в эти годы менялись часто. На Москве менялись князья, менялись тысяцкие, дворские, а вслед за ними менялись наместники и прочие княжьи слуги. Однако этого боярина дед Кузьма всё же припомнил, – видел, бывая на работах в Коломне.

С приближением отряда настроение в селе сразу переменялось. Лукавство куда-то исчезло, и оставшиеся встречали сборщиков с искренней радостью и гостеприимством: «Вот они мы. Бедные, но хлебосольные. Рады видеть посланцев мудрого князя. Кто там у нас сейчас? Семён? Рады видеть Семёновых витязей. Всячески угодить готовы».

Чуть пригнув голову, наместник миновал ворота и спешился, передав повод одному из своих дружинников. Он поздоровался со старостой и сразу же подошел к выложенным во дворе припасам. Шагая вдоль ряда, внимательно осмотрел собранное, но надолго нигде не задержался. Из нарочно открытой кадки с квашенной цельными кочанчиками капусты, пальцами выловил один, дал стечь соку и с удовольствием захрустел. Осмотрев овощи, утварь, зерно и прочую мелочь, подошел к загону со скотом.

– Самых дохлых отобрал? – наместник строго посмотрел на Кузьму.

– Какие уж есть, – развел тот руками. – На то и зовётся скотина худобой, что худа по природе.

Боярин не стал спорить. Почесал голову и неожиданно грубо сказал:

– Хочешь, пройдусь со своими молодцами по вашим схранам? Всё заберу, что припрятали. И девок, знаю, укрыли. Моим парням как раз позабавиться.

«Прознал окаянный, – подумал Кузьма. – Вообще-то, легко пройти по схранам вам, бесовым детям, не выгорит. Схран он и есть схран. Если и найдёте место, то вас ещё раньше углядят – и дальше в лес утекут. Ищи там». Но ссориться с витязем не хотелось, и староста понял, что нужно откупаться.

Сходив в избу, протянул наместнику пять старых, изрядно потёртых арабских дирхемов.

– Не губи, боярин. Вот, весь запас, отложенный на чёрный день, отдаю.

– Я и есть твой чёрный день, – рассмеялся княжий муж, принимая монеты.

Ещё раз осмотрев собранное, наместник распорядился:

– Зерно, скот, рыбу и что там ещё у тебя, сдашь в обоз – он по бездорожью отстал немного, но думаю, скоро будет. Я заберу серебро и шкуры.

Староста возражать не посмел, поплёлся за тем и другим.

Шкур, собственно, оказалось немного, а дорогих мехов и подавно не случилось – село давно уже не промышляло зверя, которого в многолюдных местах становилось всё меньше. Зато серебра собрали, сколько нужно – оно в московском княжестве водилось. Серебро селяне сдавали частью в гривнах, но больше серебряной утварью – блюдами, кубками, ложками, ножами. Попадались и редкие на Руси монеты. Не целые, конечно, рубленные на половинки, а то и четверти.

Проследив, как дружинники после взвешивания закладывали серебро в седельные сумки – гривны к гривнам, утварь к утвари, боярин вновь подошел к старосте.

– Дождёшься обоза, – строго наказал он. – Передашь моему брату, он там за старшего остался, чтоб нагонял меня как можно быстрее. До вечера не успеют, пусть останавливаются на ночь в Подгорном. И ещё передай особо – не нагонит, пусть на себя пеняет. Понял ли?

– Как же всё понял, боярин. Всё передам. Не изволите ли баньку с дороги, покушать чего?

Париться боярин не изволил. И вообще задерживаться надолго не собирался, но на «перекусить» его дружина согласилась. Кузьма даже обрадовался, повёл всех в свою избу, которая на такой случай «в упадок» не приводилась.

Там, перекрестившись на образок в углу, дружинники уселись за длинный стол. Ели быстро и молча, запивая дичь и пироги только квасом. К пиву и мёду хмельному не притрагивались, словно в военном походе были, а не в своё село с бором пришли. Как только затевался какой разговор, старший суровым взглядом говорильню немедленно пресекал. Староста немного удивился, но, разумеется, промолчал – не его ума дело.

Без хорошей беседы стол опустел в один миг. Страхнув в рот последние крошки и вновь перекрестившись, дружинники вышли из дома. Молча взметнулись в сёдла, молча покинули двор. Только наместник повторил напоследок:

– Не нагонят – пусть на себя пеняют!

После чего двинулся вслед за отрядом.

Осознав, что кметям недосуг бегать за девками, а наместнику – присматриваться к хозяйствам да подсчитывать, не разбогатело ли село случаем, и не взять ли с него сверх меры, Кузьма на радостях перекрестился. Оставался ещё обоз, но обозникам и вовсе недосуг будет, когда староста строгий боярский наказ передаст.

Отставший обоз ждали долго. Юнцы, разочарованные невниманием воеводы, большей частью разошлись по домам, дети разбежались обедать, и староста остался возле дома один. Солнце уже стояло на полдень. Из оврага потянулись обратно в село пугливые бабы с сумасшедшей старухой во главе. Кое-кто нетерпеливый уже и из леса прибежал, проведать, всё ли обошлось. И Кузьма изрядно посадил голос, убеждая селян не высовываться прежде времени.

Только пополудни на той же дороге появился обоз. Вozy частью пустые, частью нагруженные собранным в других сёлах добром, неспешно въезжали в Берёзовый Лог. Возничие, те же мужики, не первый год привлекаемые наместником к делу, дорогу знали и правили на двор старосты без понукания. Отставших сборщиков сопровождал большой конный отряд, Кузьма заметил среди всадников витязя, точь-в-точь похожего на недавно отъехавшего боярина.

«Вот и братец пожаловал», – понял староста.

Он поклонился воинам и, обращаясь к витязю, доложил:

– Велено передать вам, боярин, чтоб забирали зерно, овощи, мёд, рыбу, скот. А серебро да ещё шкуры ваш брат, наместник, уже увёз. И вам, боярин, велел особо не мешкать. А ночевать, ежели у вас заминка выйдет, он распорядился в Подгорном...

Лицо прибывшего брата наливалось краской с каждым произносимым старостой словом.

– Какой такой наместник? – прошипел боярин Кузьме в лицо, хватая его бороду одной рукой, другой же вытаскивая из-за голенища плётку. – Ты что же, олух, своего боярина не признал?

От предчувствия чего-то дурного у Кузьмы сделалось нехорошо на сердце, но удара не последовало, и он поспешил объяснить:

– Так полагаю, боярин, брат это ваш был, да он и сам этак молвил. И лицом точно вы, вылитый, и доспех княжеский на ём, – Кузьма уже догадался, что дело приняло дурной оборот, и что теперь непонятный гнев княжьего сборщика падет на одну лишь его подвернувшуюся нехоти голову.

Настоящий наместник, а это был именно он, отпустил бороду старосты. Постоял, пиная носком сапога упавший с возка кочан, подумал.

– Куда же двинулся этот мой братец? – спросил он, наконец.

– Дык, вон туда, – указал Кузьма рукой. – А больше и некуда. Там и Подгорное верстах в десяти.

– Дружина, к оружию! – заорал боярин, залезая в седло.

Два десятка всадников встрепенулись, предвкушая драку.

– А вам здесь оставаться, – бросил наместник дьяку и нескольким сопровождающим. – И чтобы вытрясли мне из глупого мужика всё серебро, иначе вернусь – пожгу село.

Дружинники, многие из которых ещё не покинули сёдел и тем более не разобрались в происшедшем, рванули вслед за вождём. Видя свирепое его лицо, никто ничего не спрашивал, да и спрашивать на таком бешеном скаку было бы несподручно.

История повторилась и в следующей деревеньке – с той лишь разницей, что князьему мужу не потребовалось теперь времени на осознание случившегося. Едва узнав, куда направился отряд подложных сборщиков дани, он, ругаясь на чём свет стоит, мчался следом, надеясь ещё достать татей. Надо сказать, старостам в других селениях повезло больше – их не трепали за бороды и не грозили пожечь дома. Многие из них, проводив изумленными взглядами взбешённого наместника, так и не понимали, что их надули. До тех пор не понимали, пока спустя некоторое время в село не прибывал, наконец, основной обоз.

Тем временем, лихая ватага лже-даныщиков скорым броском прошла по сёлам, опережая и бросившуюся в погоню дружину, и, тем более, медлительный обоз, снимая повсюду сливки. И уже так загрузились серебром, что кони от ноши начали уставать. В некоторых селениях особо недоверчивые старосты, не боясь навлечь на себя вельможный гнев, спрашивали у боярина княжескую грамоту. Грамоту «боярин» показывал самую настоящую – на дорогом пергаменте с восковой печатью на шнуре. После этого никаких помех сборщикам не чинили, несмотря на подозрительную спешку и нежелание отдохнуть.

Перед последним на этой дороге сельцом, ещё починком, «наместник» остановил отряд и указал на еле приметную тропку, что вела от сельца в сторону.

– Здесь пойдём.

Всадники спешили. Прикрыв сверкающие доспехи тёмной епанчей, начальник взял коня в повод и ступил на тропку. Остальные потянулись следом. Тропа оказалась мягкой, малохоженной, покрытой зелёной ещё травой и потому отряд не оставил на ней никаких сле-

дов. Леском обойдя село, чтобы ввести в заблуждение погоню, разбойники вывели коней к заранее условленному месту на берегу Оки.

Надо сказать, что хитрость эта полностью удалась: час спустя, добравшись до последнего починка и узнав, что здесь серебро уцелело и никаких подозрительных всадников никто не встречал, обманутый наместник повернул дружину обратно. Но сколько его кмети ни рыскали по дорогам и тропкам, наткнуться на след воров им так и не удалось.

Возле реки лихую ватагу уже ждали сообщники. Лодки, чтобы не оставлять след на берегу, стояли на воде, привязанные к притопленному дереву длинной веревкой. Лошадей быстро загнали по сходням, покидали сумы с добром. После чего ветками замели следы.

– Всё, отходим! – приказал «наместник». – Нехай теперь ищут.

Он сбросил броню. Оторвав от лица накладную бороду и пышные усы, засунул всё это в седельную сумку. Вместо седовласого боярина удаляющемуся берегу улыбался молодой рыжий парень.

Оставив за спиной крутой поворот, люди расслабились и принялись отпускать шутки по поводу обманутого княжеского сборщика. Изображая дружину, ватажники строго подчинялись «боярину» и строгому порядку, но теперь вновь ощутили себя вольными разбойниками.

– Да, здорово ты это придумал, Рыжий, – обратился кто-то из них к товарищу, изображавшему начальника. – Долго наместник помнить будет, как мы его провели...

– Ты гребь, гребь... Мы ещё в московских пределах, – остерёг в ответ Рыжий.

Но ватага уже ничего не боялась и никого не слушалась.

– Московская пчелка на сей раз осталась без взятка.

– Брось! Эту козу никакой шайке и за год не выдоить.

– Зря Мосол отказался с нами идти, – произнёс молодой разбойник по имени Дудка. – Теперь пожалеет, дурень.

Шли вниз по Оке, стараясь как можно быстрее оказаться за чертой Московского княжества. Собственно владения Москвы заканчивались вместе с последним селением – тем, которое они обошли стороной – дальше лежал пограничный лес и земли Рязанские. Но кто его знает, на что решится рассвирепевший наместник, так что лучше уж оказаться подальше от его гнева.

– А что, Рыжий, давай ещё разок такое дельце провернём, – предложил рослый и лохматый разбойник.

Сейчас его распирало от успеха, и он, видимо, полагал, что подобную шкodu можно устроить вот так, запросто, с наскока, безо всякой подготовки.

– Давай сначала ноги унесём, а потом и о делах поговорим, – отозвался Рыжий.

Рыжего на самом деле звали Романом. Так родители нарекли и друзья называли. Но те, кто сидел сейчас в лодках, среди его друзей не числились. Случайная ватажка, товарищи на одно дело. И потому имени своего Рыжий никому из них не открыл.

Эту вылазку он задумал давно. Весной ещё. Почти полгода только на подготовку ушло. Человек обстоятельный и осторожный, Рыжий к каждой своей задумке, даже совсем пустяковой, подходил серьёзно. А уж решась на подобную нынешней крупную шкodu, и вовсе каждый шаг семь раз отмерял, прежде чем ногой шевельнуть.

Первым делом он прибыл в Коломну, где устроился работать за еду и небольшую плату подручным у гончара, благо гончарное дело Рыжий знал с детства. Работа гончара

тем хороша, что не зависит ни от времени года, ни от войн или бедствий. Глиняная утварь пользуется спросом всегда, но при этом работы никогда не бывает слишком много. Так что на разведку времени хватало.

Будучи парнем общительным и приятным, Рыжий скоро перезнакомился с доброй половиной города. Разговаривая с людьми и по работе, и просто так, он по крупницам собирал сведения о наместнике, боярах и служилом люде. Нет, конечно, он никого и ни о чём нарочно не спрашивал, просто внимательно слушал, что говорят вокруг. Слушал и сопоставлял. И снова слушал. Так, постепенно, и выведал всё, что хотел.

Однажды гончар не обнаружил работника, но поскольку ничего не пропало, а заданную вперед плату тот уже с лихвой отработал, мастер не стал особо беспокоиться и шума не поднял. Ибо вольному – воля.

Рыжий вернулся домой и ещё раз все хорошенько обдумал.

Снять сливки с княжеских молочных рек в одиночку нечего было и думать. Он нуждался в помощниках, но его не склонные к разбою друзья, тут негодились. Требовались люди незнакомые, но притом в меру надёжные. И в поисках подходящей шайки Рыжий забрался далеко от родных мест.

Под Муромом он нашёл то, что искал. Молодая, недавно сколоченная ватага показалась ему слишком неопытной для серьёзного разбоя, а вот для мухрыжной работы подходила в самый раз. Само собой, в тонкости замысла Рыжий никого из ватажников не посвятил, да и вообще не собирался иметь с ними в будущем никаких дел.

В ватаге верховодил здоровенный парень с огромной копной светлых, торчащих в разные стороны, волос. Лохматым его и называли. Хотя нетрудно было догадаться, что настоящее имя атамана ватажники от чужака утаили. Как говорится, баш на баш.

Когда Рыжий предложил шайке верное дело и богатую добычу, Лохматый, хоть и небезропотно, уступил чужаку верховенство. Но даже временная потеря первенства его заметно гнула. Все дни их совместного промысла Рыжий нет-нет да и ловил на себе недобрый взгляд.

Гребли изо всех сил, да и течение помогало, и к вечеру позади осталось устье Трубежа, на котором чуть выше стоит нынешняя столица рязанских земель – Переславль. Проскочили удачно, на осмотр, что иногда здесь случается, не нарвались. А когда уж совсем стемнело, показалось городище старой разрушенной ордынцами Рязани.

Остатки стен и вала огромной тенью нависали над берегом и хорошо различались даже при свете месяца. Много раз князья пытались восстановить древнюю свою столицу, но не по силам им оказалась такая затея. Здесь сколько ни строй, а всё равно пепелище кругом простирается – так огромен был некогда город.

Возле него заранее и договорились встать на ночевку. Рыжий заверил, что знает тихое и укромное место и скоро показал рукой на небольшую ложбинку, что начиналась у самого берега. Она и впрямь выглядела удобной. С одной стороны её защищали остатки восточного вала, с другой – прикрывала густая дубрава.

Лодки замерли, вздёрнув носы у берега. Ватажники попрыгали на песок, загалдели довольно, но Рыжий тут же остерёг:

– Тише вы! Места здесь недобрые. В городище не суйтесь, особенно ночью – там полно всякой нечисти. Мертвяки, упыри, вурды.

Он улыбнулся и добавил:

– Зато и людей нет, так что место надёжное, тихое...

– Что ещё за вурды? – спросил с опаской Дудка.

– Вурды? – Рыжий замялся. – А, ну да, ты же с севера, а там они не водятся, – догадался он о причине столь вопиющего незнания и пояснил. – Вурды, это такая лесная нелюдь. Нападают на деревни, на путников, жрут человечину, кровь пьют. В наших краях обычное дело...

Дудка поёжился и огляделся. Остальные, умолкнув, тоже принялись озираться. Что-то зловещее вокруг действительно таилось. Незримо, словно укрытое до поры в лунной тени деревьев и огрызков городских стен, но готовое выползти при случае из темноты.

Однако месяц светил ровно, никакие мертвяки зубами не клацали, не выли, и разбойники понемногу успокоились. Разгрузили лодки, вывели ошалевших от речного пути лошадей; бегло осмотрев местность, поставили шатёр. Также споро, собрав сухих веток, развели огонь на старом кострище, что использовалось путниками одни боги ведают, сколько лет.

Рыжий предложил выставить сторожей, но ватажники по молодой удали и лени своей от излишних мер отказались. Рыжий всё же настоял на том, чтобы очертить стан оберегающим кругом.

– Места здесь недобрые, – повторил он.

Несмотря на усталость, мало кто сразу завалился спать. Сидели допоздна, скинув уже ненужные, надоевшие за день доспехи. Отложили в сторону мечи и сабли. Некоторые догадались избавиться от сапог и теперь довольные разминали ступни. Ели вяленое мясо, сыр и хлеб – всё, что прихватили с собой и потом ещё добрали в деревнях. Пили крепкое пиво, и спустя час разговор неизбежно зашёл о дележе добычи.

– Как делить добро будем? – спросил Лохматый.

Он смирился с главенством Рыжего только на время. Теперь же, поставив вопрос, захотел показать, кто в шайке первее.

– Как уговорились, так и будем, – заявил Рыжий, спокойно пережёвывая мясо.

– Э, нет, – возразил атаман. – Полагаю, что нужно переиначить наш уговор. Ты забираешь четверть. Ты один. Мы – три четверти. Нас восемнадцать. Думаю, ты кусаешь слишком много. Не по пасти своей кусаешь. Уверен, что тебе и десятой доли за глаза хватит.

Несколько братанов одобрительно загудели, другие, напротив, нахмурились. Опыта у молодых разбойников оказалось маловато и, затеяв разговор о дележе, Лохматый не позаботился заранее подготовить людей. Многие просто радовались успеху, богатой добыче, пребывали в благодущии. Поэтому спору не скоро ещё предстояло перерасти в кровавую поножовщину.

Рыжий же, в жизни повидал всякого и к подобному повороту приготовился. Мало того, заранее рассчитал, что непростой разговор должен будет начаться именно здесь, на первой спокойной стоянке. И не ошибся. Однако начинать свару прежде времени всё равно не стоило. Он возразил Лохматому вполне миролюбиво:

– Я всё придумал, я всех собрал, я знал куда идти и что говорить. Я полгода выводывал хлебное место. На свои средства спаивал в Коломне дьяка и мужиков возникших. А потому – мне четверть, как было уговорено. Думаю, это вполне справедливо.

Не видя никакой прямой угрозы, ватажники не спешили бежать к оставленному в шатре оружию. Им хотелось поговорить. Состоявшемуся разбойнику распалать себя разговором вовсе не требуется. Просто возьмёт и прибьёт товарища своего боевого, как мошку досадившую. Потому что к убийству привычен. Этим же полагалось сперва войти в раж, обидеться на противника. На том и расчёт у Рыжего строился, знал он, кого выбирать для дела. Видимо, и вожак понял, что лить попусту кровь его парни ещё не способны.

– Хорошо, – вдруг согласился Лохматый. – Ты получишь четверть, но с уговором, что мы сделаем ещё пару-другую таких вылазок.

Хитёр Лохматый. С точки зрения братчины предложение выглядело вполне справедливым, а значит, лишало Рыжего возможности посеять среди ватажников сомнения, заставить

их спорить друг с другом. Одно дело для людей, хоть и разбойников, нападать в нарушение договора, и совсем другой оборот – драться в его защиту.

Рыжий с ответом промедлил. Ватажники его заминку истолковали по-своему. Насупились.

– От добра – добра не ищут, – всё же заметил Рыжий.

– Не согласен? – прищурился Лохматый.

– Да, не согласен, – решительно заявил тот и добавил, пытаясь предотвратить свалку. –

Вы просто не понимаете, сколько надо узнать-разузнать, сколько всего подготовить, чтобы путно дельце обстряпать. Говорю же, полгода у меня на Коломну ушло...

– Вот ты нам и расскажешь... – сказал Пытюх, один из подручных Лохматого.

Он уже косился на шатёр с оружием, явно не веря, что Рыжий пойдёт на попятную.

– У вас своя дорога, у меня своя, – упёрся Рыжий.

– Отступаешься от нас, стало быть? – ухмыльнулся Лохматый. – А мы ведь, такого не спускаем. Мы, брат, вместе держимся. Только так.

Тут уж разговору конец. Ватажники лениво (куда он, гад, денется?) принялись натаскивать сапоги, подниматься, но их бывший поделник, не дожидаясь развязки, вдруг рванул с места.

Не успели разбойники глазом моргнуть, как он сиганул лихо через полусасыпанный ров и, помогая себе руками, стал взбираться на вал.

С бранью и криками шайка бросилась разбирать оружие. Поняв, что предатель может уйти и затеряться затем в развалинах, Лохматый выхватил засапожный ножик и, не теряя времени, кинулся вдогонку. Его опередил Пытюх, а двое других парней отстали лишь самую малость.

– Руби гада! – заорал на ходу атаман.

Рыжий окрестности знал хорошо, не раз бывал здесь, а вот его преследователи оказались возле городища впервые. Тень от высокого вала добавляла хлопот. Пока глаза боролись с темнотой, ватажники потеряли Пытюха. Тот, неудачно ступив, слетел в неприметный ров. С трёхсаженной глубины долетели проклятья. Бегущие следом замешкались, но шум падения и ругань товарища позволили остальным преодолеть неожиданную препону. Не обращая внимания на орущего Пытюха, Лохматый с двумя друзьями полез наверх.

Все прочие сильно отстали. Сперва вооружались, спорили, кто чью саблю схватил по горячке, затем вызволяли изова неудачливого товарища, а когда собрались продолжить погоню, ни Рыжего, ни Лохматого уже не было видно. В конце концов, решили вернуться к костру, рассудив, что троих против одного более чем достаточно.

Тем временем погоня добралась до вершины вала и остановилась среди остатков разрушенной крепостной стены. Через огромный провал просматривался город, пугающий мрачным нагромождением обугленных брёвен и остовов печей. По обе стороны открывались чёрные щели засыпанного до половины землёй межстенного прохода. Определить, куда скрылся Рыжий, Лохматый не смог. Приказав друзьям умолкнуть, он прислушался – и различил в тишине шорох какой-то возни в проходе по правую руку.

– Сюда! – прошептал атаман и, выставив перед собой нож, первым двинулся во тьму.

Пройдя шагов десять полусожжённым, завалившимся внутрь межстенком, разбойники оцепенели, увидев поистине жуткое зрелище.

В узком проходе чадили, едва давая свет, несколько факелов, а прямо перед ватажниками в земляном полу открывалась глубокая дыра, из которой виднелись отблески пламени и выкатывали клубы вонючего серного дыма.

Залитый кровью Рыжий лежал на земле. Его голова была как-то неестественно закинута назад. Одна рука подвёрнута под тело, вторая то ли обрублена, то ли оторвана. Но самую жуткую картину являла его разорванная грудь, над которой склонился страшный упырь. Весь синий, с распухшей рожей и огромными клыками, торчащими изо рта, он ковырялся в груди Рыжего, словно в горшке с пареным мясом, выскивая кусочек пожирней. Почуввав вошедших ватажников, упырь поднял голову, а потом поднялся и сам. В руке он, похоже, держал только что вырванное сердце Рыжего, а может, какую другую внутренность. Из груди упыря торчал кинжал, рукоять которого сжимала оторванная человеческая кисть. Кровь капала с неё до сих пор.

Лохматый осознал, что парню уже ничем не поможешь, а отбивать растерзанное тело не имеет смысла. Да и неизвестно, смогут ли они втроём справиться с нежитью. Ни зачарованного оружия, ни осины никто из них не прихватил, а обычным железом упыря, как известно, не напугаешь. Лохматый как-то даже забыл, что явился сюда вовсе не на подмогу бывшему приятелю.

Упырь оказался не один. Ещё два его собрата вылезали из каких-то щелей, подвывая и глядя чёрными гнойными глазами на пришлых людей. По всему было видно, что людей они недолюбливали. Из огненной дыры появился маленький упырёныш с большой безобразной головой. Он смешно почесался и принялся тянуть что-то из дыры – то ли мешок, то ли ещё какого мертвеца. Но, завидев разбойников, бросил ношу, завыл писклявым голоском, булькая и пуская изо рта кровавые пузыри. Зубки упырино детёныша не уступали размерами клыкам взрослых сородичей.

Лохматый едва удержал своих парней от безрассудного бегства. Единственный из троих, он понимал, что поворачиваться спиной к мертвецам смертельно опасно. И не только потому, что те тотчас нападут со спины. Нежити вообще нельзя показывать страх. Ни при каких обстоятельствах. Людской страх для упырей всё равно, что пряность – только голод разжигает. Лохматый знал – из подобных встреч выходят живыми не самые сильные или бесстрашные, но самые рассудительные. И потому пятился медленно, лишь коротко оглядываясь, чтобы не споткнуться и не нарваться на упыриных собратьев.

В такую переделку ватажники попали впервые. О всякого рода нечисти они, конечно, были наслышаны, но до нынешней ночи большую часть разговоров о ней считали если не сказками, то делом давно минувших дней и совсем других мест. А тут на тебе – попали в самое логово. Надо же было этому Рыжему в городище бежать! Сам ведь предупреждал, страхи рассказывал. Теперь лежит вот с распахнутой грудью.

Переглянувшись и прекратив вой, упыри медленно двинулись на ватажников. Детёныш недолго думая присоединился к старшим. Сквозь разъедающий глаза дым Лохматому показалось, будто из щелей лезут всё новые и новые твари. Его товарищи, опытом победнее, а духом послабее, и вовсе оказались близки к потере рассудка. Им чудилось, что тьма упырей уже скребёт когтями за стенкой городни и вот-вот отрежет путь к отступлению.

Добравшись до открытого места, Лохматый, наконец, резко развернулся и бросился с вала вниз. Подручные, обгоняя друг друга, поспешили следом. Едва разбойники показали спины, брошенный город наполнился воем, словно сами развалины застонали от утраты добычи. Это только придало ватажникам скорости.

Поднимающиеся на подмогу парни, услышав эдакое пение и увидев перекошенные лица друзей, сочли за лучшее отступить вместе с ними. В этот раз все как один легко перескочили ров, даже не заметив преграды.

Те, кто не успели к погоне или вернулись на стоянку раньше, сидели теперь возле костра и подогревали над огнём мясо. Разговор зашёл уже совсем о других делах, возможно, очень далёких, так что разбойники немало удивились, завидев несущихся полным ходом вожака с товарищами.

– Уходим! – заорал Лохматый, врываясь в стан. – Быстро! Собираем всё и уходим. В городище такая чертовщина творится, что кровь стынет в жилах. Рыжего сожрали и за нами уже потянулись. Нужно уносить ноги!..

Недолго думая, ватажники вскочили и принялись заводить коней на лодки. Впопыхах накидали туда же не собранный толком шатёр, прочие вещи. Всё это время вооружённый до зубов Лохматый с несколькими ватажниками прикрывал шайку со стороны городища. Наконец всё погрузили и отошли от берега с такой спешкой, что сторожа прыгали в лодки уже на ходу.

– А он, дурак, делиться не хотел, – донеслось из уплывающих в ночную тьму лодок. – Теперь уж ему серебро ни к чему.

Плеск вёсел стих и над древним городищем восстановилась мрачная тишина.

Рыжий пошевелился. Охнув, открыл глаза.

– Ушли? – спросил он стоящего рядом упыря.

– Со всех ног улепётывают, – заглянув в бойницу стены, ответил тот вполне обычным человеческим голосом. – Даже костёр, чудак, не погасили.

Рыжий поднялся и потёр затекшую отлёжанную руку. Потом принялся сдирать с себя окровавленные подобия ран. Сделанные из смешанной с воском белой глины с добавлением древесного дёгтя, они выглядели точь-в-точь как настоящие, тем более в сумерках, а для правдоподобности раны полили поросычьею кровью.

– Ты бы, Ромка, завязывал с такими делишками, – проворчал упырь. – Второй раз тебя отбиваем. Случись, на настоящих разбойников напоремся, да ещё, если колдун какой при них будет – раскроют всю хитрость. А то не побоятся – мало нам всем не покажется.

Подошли ещё два упыря с упырёнком. Один из взрослых произнёс.

– Всё время, как личину напялю, думаю, а не повстречаются ли нам как-нибудь настоящие упыри, и что они скажут нас завидев?

– Типун тебе на язык, – дёрнулся Рыжий.

Упыри начали снимать лепленные из той же глины с воском хари и другие хитрые штуки, изображающие отвратительного вида рубцы и язвы. Всё хозяйство бережно складывали в мешки, перекладывая влажной травой. Туда же положили и искусно вылепленную кисть руки, с зажатым в ней кинжалом – небось, ещё сгодится. Затем погасили факелы и забросали землёй дыру с тлеющими углями.

Упыриное семейство состояло из старика, в прошлом известного владимирского скomorоха по прозвищу Кулёк, его взрослого сына, прозванного Хорьком, с женой Натальей и шестилетнего внука, которому имя еще не нарекли и которого звали просто Малым.

Ближе к утру похолодало. Оставшееся до рассвета время они просидели возле оставленного ватажниками костра, доедая брошенные впопыхах припасы. Напряжение последних дней валило Рыжего с ног. Он устал и хотел спать, но незаконченное дело заставляло отгонять сон. Рыжий принялся растирать щёки, но это помогло ненадолго. Увидев мучения приятеля, Хорёк поставил на огонь котелок с водой, и когда вода закипела, бросил туда каких-то листьев, ягод и трав. Получился бодрящий вкусный отвар, и сонливость, наконец, отступила.

Остаток ночи провели в молчании. Едва рассвело, Рыжий разделся, полез в воду и скоро нащупал на дне возле самого берега мешок. Один из тех, в которые он складывал тяжёлые гривны и куда позже добавил собственный доспех. Мешок этот Рыжий спустил

тихонечко в воду, пока ватажники занимались высадкой на берег и высматривали в окрестностях нечисть.

– Ну вот, серебро всё здесь, – сказал Рыжий, с трудом вытаскивая тяжесть на берег.

– Что, всё серебро у них увёл? – изумился скоморох.

– Ну нет, – усмехнулся мошенник. – Если бы всё увёл, так они вернулись бы чего доброго. Жадность – она многих безрассудными делает. Нет, здесь только половина. Четверть моя, как положено по уговору, а ещё четверть – в урок им, чтоб неповадно было в следующий раз уговоры нарушать.

Он передал старику часть свёртков и добавил:

– Теперь это ваша доля.

– Надул разбойничков, – проворчал скоморох, рассовывая тяжёлые свёртки по сумкам. – А ну как они по честному с тобой решили бы разойтись?

– Ну да, скажешь ведь! Такого и быть не могло, – важно заметил Роман, подняв вверх указательный палец. – Я эти ватаги не первый год знаю. По честному они промеж себя только, да и то не всегда. А мне, уверен, их атаман давно жало стальное под ребро нацелил. Добрые разбойники, Кулёк, только в сказках обитают, какими ты народ баламутишь...

Старик пожал плечами.

Малого послали за припрятанной выше по течению лодкой. Тот обернулся быстро. Рыжего на всякий случай положили на самое днище, нагрузив поверх него огромную копну сена. Сама семейка скоморохов оделась в крестьянское платье. Лодку столкнули и отправились не спеша по течению.

Укрытый пахучим сеном, Рыжий сразу заснул.

Пока он спал, ничего не случилось. Река днём буквально кишела путниками, но лодке, непонятно куда и откуда везущей сено, которого и так везде было в достатке, тем не менее, никто не дивился.

После полудня посреди вековых лесов показался на крутом берегу Городец Мещёрский. Рыжего разбудили, но вылезать из стога он до поры остерёгся.

Скоморохи пристали не к вымолам, а немного выше – почти под Лысым Холмом, и первым делом Хорёк отправился узнать, не появились ли здесь давешние ватажники. Проведав, что, шайка прошла город стороной, скоморохи свалили сено на берег и Рыжий выбрался на свет. Довольный успешным завершением дела, он тепло попрощался с семейкой.

– Нужда будет, скажи. Поможем, – сказал Хорёк. – Только с разбойниками больше не связывайся.

– Нет, – ответил Рыжий. – Два раза бог помог, в третий раз искушать судьбу не стану. Придумаю ещё какую-нибудь шутку.

– Прощай, Ромка, – сказал старый скоморох – за серебро спасибо, но, слышь, лучше завязывай с этим.

Потом вдруг что-то вспомнив, добавил:

– Тебя Сокол спрашивал. Вроде, дело у него какое-то к тебе.

Закинув за плечи мешки, семья скоморохов отправилась домой. Рыжий же прежде всего заскочил на торг, чтобы вернуть знакомому кузнецу одолженные оружие и колонтарь.

Сверх того, за услугу, он положил перед хозяином четыре половинки серебряных монет. Взяв деньги, тот придирчиво осмотрел возвращённые вещи. На них не прибавилось ни царапины. Вода тоже не успела причинить вреда, так что две четвертинки кузнец мог отнести к чистому прибытку.

– Пригодилась хоть? – спросил он, надеясь на занимательный рассказ.

– Ратиться не пришлось, так, попугал кое-кого, – уклончиво ответил Рыжий.

Хозяин, поняв, что занимательной истории не дожждётся, сказал напоследок:

– Тебя Сокол искал. По делу.

Рыжий попрощался и направился на западную слободу – искать чародея.

Сокол появился в этих краях давно. Говорили, будто здесь он и родился, но младенцем увезён был в Угарман, тогдашнюю столицу лесных народов, на воспитание к сильнейшим колдунам Дятлу, Соловью и Скворцу. Потом, когда Угарман пал, судьба, где только его не носила, но в конце концов круг замкнулся, и чародей вернулся в Мещёрск.

Теперь он был стар, однако стар только годами. Дряхлым его, обманувшись седой бородой и морщинами, мог назвать лишь человек несведущий. Опытного воина Сокол, быть может, без волшбы и не одолел бы, но с мелочью разбойничьей, бывало, разбирался легко. Чему Рыжий не раз был свидетелем.

Сам же Рыжий, хоть и считался местным старожилом, часто промышлял на стороне, а потому познакомился с Соколом только в прошлом году, когда тот со своим молодым товарищем Тарко отбил его у Галицкого купчишки. С того самого дня и заладилась у них дружба.

Миновав крестьянские и ремесленные дворы, что примыкали слободкой к Мещёрску, Рыжий свернул на маленькую, укрытую среди деревьев улочку, где жили чародеи, волхвы, знахари, ведуны – в общем, все те, от кого простой люд стремится держаться подальше, пока всё пребывает в порядке, и к кому первым делом бежит, случись какая беда. Улочка эта начиналась в слободке и выходила прямо на холм, где и заканчивалась как раз домом Сокола.

Дверь чародейского жилища запиралась редко, и Рыжий по привычке вошёл без стука.

Тарко сидел с ногами на лавке и, слушая какой-то рассказ чародея, изредка задавал вопросы. Рядом, просунув голову между ним и стенкой, устроился лохматый чародейский пёс. Пёс, видимо, спал после ночного бдения, но на вошедшего Рыжего все же глянул и голову приподнял. Впрочем, признав своего, закрыл глаза и сунул голову обратно.

Говорил Сокол на мещёрском, который Рыжий понимал плохо. Поэтому, увидев гостя, чародей прервал рассказ и перешёл на русский.

– Я как раз говорил Тарко о том, как поступали с лиходеями в этих местах пару веков назад. Сейчас времена не те, конечно...

Рыжий насупился

– Звал – так дело говори. А нет – спать пойду.

– Прости, я пошутил, – повинился Сокол. – Тебя только ждали, вот и вырвалось ненароком. Но я рад, что ты застал нас, потому что дело нависло серьёзное, и мне потребуется ваша с Тарко помощь.

Рыжий уселся на лавку, взял со стола то ли тонкую лепёшку, то ли толстый блин, завернул кусок остывшей осетрины и принялся жевать, давая понять, что готов выслушать старика. Кому другому такое хамство с рук не сошло бы, но Рыжий был чародею хорошим приятелем, и ему многое позволялось в этом доме.

Немного помедлив, как бы раздумывая, с чего начать, Сокол изложил дело.

Городец Мещёрский. Три дня ранее

В тот день в его доме объявился гонец от мещёрского князя с просьбой незамедлительно прибыть ко двору. Важность и срочность приглашения подчёркивалась тем, что посыльным к чародею отправился сам Заруба, человек в окружении князя далеко не последний. Не то чтобы Сокол имел привычку отказывать в слове обычному вестовому, но, видимо, прислать воеводу показалось Уку надёжней.

Заруба выглядел до крайности встревоженным. И хотя пояснить что-либо, или даже бросить короткий намёк он наотрез отказался, Сокол на призыв поспешил, и получасом позже они миновали ворота крепости.

Двор растерянно гудел и метался, словно потерявший матку пчелиный рой. В суете людей не наблюдалось никакого смысла. Они беспричинно бегали из дома в дом, выводили из конюшен лошадей, чтобы через миг завести их обратно в стойла. Кто-то ходил в броне и при оружии, будто в городе сыграли тревогу, другие, напротив, носились по двору босиком и в исподнем, точно их вырвал с постелей ночной пожар. Сокол даже подумал, не помер ли slučajем старый князь, но вспомнил, что получил приглашение именно от Ука, а не от кого-то из его сыновей.

Распихивая челядь тяжёлым взглядом, Заруба провёл гостя прямым в княжеские палаты, где суеты оказалось куда меньше. Два охранника, что прохаживались возле дверей, не задержали посетителей, не досаждали расспросами, напротив, молча посторонились, пропуская их внутрь. И Сокол увидел, наконец, князя.

Тот и в самом деле был жив и здоров, но вот его душевное равновесие вызывало сомнения. Князь ходил по светлице из угла в угол, что-то бормотал под нос, теребил жидкую бороду. На лавке, опустив голову, сидел ханьский купец Чунай, а рядом с ним – княжеский печатник Химарь и ещё один воевода по прозвищу Лапша. Гости пребывали в неменьшей растерянности, чем князь.

Завидев Сокола, они немного повеселели. Купец вскочил, а князь шагнул навстречу.

– Здравствуй, чародей, – раскрыл он объятия. – Рад, что ты не промедлил.

– Что за беда, князь? – спросил Сокол. – Крепость точно дурманом обкурённая. Люди, будто щенки слепые, ворошатся без толку.

– Беда, чародей. Правда беда. Извини, угощений никаких не припас, совсем не до того мне теперь. Садись, где желаешь, обожди, сейчас pošлю кого-нибудь хоть вина принести.

– Не стоит, князь, – махнул рукой чародей, присаживаясь на краешек скамейки.

Ук всё же крикнул человека, распорядился нести вино. Подождав, пока тот поставил на стол пару кувшинов, собственноручно разлил вино по кубкам и протянул один из них Соколу.

– Сын у меня пропал, – начал князь. – Варунок. Чунай, вон, его до самого Муромы довёз, казалось бы, почти у порога оставил, а он там и пропал.

– В Муроме? – Сокол даже не притронулся к вину.

– Да нет, по дороге. Через лес с малым отрядом пошёл, когда купец на починку встал. Чунай возбуждённо вскочил с лавки и пояснил:

– Молодой кинязь больно сипешил. Жидать не хотел. Говорил весть сирочный. Мой думал тири дня ладыя починять, однако неделя заняла. Как кинязь ушёл, мой перестал бежать. Поципал мало-мало травки на муромский базар. Но молодой кинязь и тири диня жидать не хотел. Сипешил.

– Подожди, – поднял руку Сокол. – Неделя прошла, от лишнего часа небольшой убыток будет. Расскажи всё подробно. Что за срочная весть? Сказал он тебе?

– Молодой кинязь маладец слушать, говорить не охотник, – с одобрением заметил Чунай и прищурился. – Но мой – старый конь. С борозды не съедет. Ухо слушал, глаз замечал. Говорил кинязь про серых каких-то разбойников. Про орду. Ничего пирямо. Но мой понял, хотят ударить по ваша земля. Кирепко ударить. Серьёзно. Сипешил остеречь кинязь.

– Хм, – нахмурился Сокол и поймал многозначительный взгляд Ука. Тот, похоже, знал больше, но молчал, не желая при купце выкладывать тайные сведения.

– А кто-нибудь мог за Варунком проследить до Муром или в Муроме? – спросил чародей.

– Мои человеки молчать. Да молодой кинязь сиразу ушёл. Только у Юрия лошадь брал. Нет, никто не успеть бы ловушка ставить.

Купец умолк, не зная, что ещё сказать, а князь добавил:

– Вчера я как узнал у Чуная про Варунка, людей послал. Загнав лошадей, за день одолели дорогу. Сегодня утром голубя с грамоткой прислали. Пишут, никаких следов не нашли до самого Муром. Я как от них весть получил, так и послал за тобой. Больше как на чары, мне надеяться не на что.

Сокол потёр лоб и, наконец, пригубил вино.

Помолчали.

– Ты, Чунай, о постоянной лавке на нашем торге просил? – обратился Ук к гостю.

– Пиросил, кинязь, – кивнул купец.

– Лапша, проводи его к торговому старосте. Скажи, мол, я позволяю. И с пошлинами пусть не жадничает. Пусть как с местных купцов берёт...

Чунай долго благодарил князя за содействие, ещё дольше сокрушался насчёт пропажи сына, пока Лапша не увёл его на посад. Печатник с Зарубой остались. Им старый князь доверял вполне. Вздохнув и упокоившись на стуле, Ук продолжил разговор с Соколом.

– Прошлой осенью послал я младшего своего в Сарай-Берке с тайным посольством. С ханами мы, сам знаешь, дружбы не водим, но есть там один человек, который за скромную плату сказками меня кормит. Я кушаю, потому что не всё в его брехне ложь, кое-что на мысли наводит. Иное я проверяю, упреждаю, когда надо...

Помнишь, как в прошлом году вы с Зарубой Юрию Ярославичу помогли, когда на него родственник ополчился? Выбить законного князя с Муромского престола затеял. И, конечно, помнишь, кто помог этим лесным бродягам войско собрать? Ведь ты сам меня и предупредил тогда...

– Угу, – кивнул Сокол. – Москва у них за спиной маячила. Не подойди мы тогда вовремя, сидел бы на Муроме Фёдор.

– Вот! – не выдержав сидения, Ук вновь принялся расхаживать по комнате. – Я тогда это дело разворошить решил, ну так, самую малость. В числе прочих мест и в Сарае тоже попросил вывести.

Близко-то к московским князьям подобраться не получилось, но в общих чертах узнал. И главное узнал: грызутся-то они, вроде, с людьми серьёзными, врагами давними. С Константином, с Ольгердом, теперь вот с Олегом ещё... Но первой, заметь, Мещеру задумали поднять под себя. Мещеру вместе с Муромом.

Чего они на наши княжества взъелись, мне выяснить так и не удалось. Вроде, и не соперники мы им, и торговли большой не держим, а уж за дань с наших болот воевать – и вовсе смешно выходит. Тем не менее, вот задумали.

Ук ополовинил кубок, помолчал. Потом продолжил.

– Ты знаешь, я в русские свары не хочу влезать. Они там все промеж себя родственники. А чужую семью примирять последнее дело. Только шишек напрасных набьёшь. Может, и зря, не знаю. Но теперь не одних русских это дело – наши те земли, что поперёк горла москвичам стали.

Открытой брани они, понятно, не желают. Понимают: за Муром и Мещеру против них многие встанут. И не потому, что Москвы не боятся. Как раз потому что боятся, и встанут...

Сокол и сам был осведомлён в московских делах не хуже Ука, но слушал внимательно. Слухи слухами проверяются.

– Я особо не боялся. С Муромом у них не вышло. А мы в лесу и болотах, что у ихнего Христа за пазухой спрятаны. Но человек тот, из Сарая, весть подал, будто Москва иначе задумала действовать, где-то в степи поддержку нашла. Подробно не сообщил. Воровства дорожного побоялся. Вот я Варунка и отправил к нему, чтобы при личной встрече подробней узнал.

Не знаю, что там Чунай имел в виду, что он успел от Варунка услышать, но что-то серьёзное действительно затевается. Пропал Варунок. Под носом прямо. Думаешь, случайность? Думаешь, вурды или разбойники?

– Нет, не думаю, – покачал головой Сокол. – В тот раз под Муромом в суздальского княжича Бориса стреляли. Чудом промахнулись. И тоже неясно было, кто навёл злодеев на посольство. Оно ведь тайно отправилось. Константин бояр продажных накануне в пыточную спровадил. Некому было предать.

Видел я ту стрелу, Борис сам мне её показывал. Жуткая, скажу я тебе, стрела. Зачарованная – не то слово. Сила в ней злобная, не людская...

– Один корешок у побегов этих, – кивнул Ук. – И на Варунка, полагаю, те же псы зло замыслили.

Старый князь постоял молча и перешёл к просьбе.

– Знаю, да и люди говорят, что можешь ты с помощью ведовства своего зреть человека, где бы тот ни был, – в глазах Ука мелькнула надежда. – Так ли это? Можешь ли сказать, что с моим сыном и где он теперь?

Сокол с ответом замешкался. Розыск потерявшихся княжичей не значился среди сильных его сторон. Той же Мене он значительно уступал в подобно рода ведовстве. Но кое-что, конечно, умел и Сокол. И если бы тревогу подняли спустя день-другой после пропажи, он, пожалуй, сумел бы отыскать юношу. Но за неделю с лишним след безнадежно простыл.

Однако расстраивать князя раньше времени Сокол не захотел. Встать на затёртый след он не мог, а вот узнать некоторые подробности исчезновения, попытаться почувствовать Варунка, чародея вполне по силам.

– Многого не обещаю, – наконец сказал он. – Но что могу, сделаю. Нет ли у тебя, князь, вещицы сына твоего? Такой, какую носил он некоторое время на себе или при себе. Чтобы помнила ещё хозяина.

Ук молча кивнул и вышел. Ненадолго. Сокол не успел перекинуться парой слов с воеводой и печатником, как князь вернулся, держа шитый золотом пояс.

– Вот. Этот пояс он точно носил. Ещё весной. А в дорогу-то новый надел.

Сокол встал, взял пояс.

– Возьму с собой, если не возражаешь. Завтра отвечу.

Сказав это, он направился к выходу, и князь, спеша узнать о сыне хоть что-нибудь, не решился остановить чародея вопросом.

Колдовство предстояло нехитрое и много времени обычно не отбирало, но зато требовало определённого часа. А именно восхода, который на сегодня чародей уже пропустил. Поэтому, вернувшись из кремника, Сокол занялся другими делами, а поиски Варунка оставил на утро.

На заднем дворе чародейского дома стоял приземистый сруб. Ни окон, ни дверей, ни дымника сруб не имел. Попасть внутрь можно было только через узкий лаз, проделанный

под нижним бревном клетки. Даже днём сруб наполнял густой сумрак, и только во время восхода, при ясном небе, солнце врывалось сюда через устроенную под крышей щель широкой полоской света.

Чародей называл её световым полотном. Солнечные лучи среди мрака и правда напоминали тонкую ткань, висящую над головой. Но настоящее зрелище начиналось, когда Сокол ставил на землю плоску с дымящимися углями или травами. Дым струился вверх, притягиваясь к единственной щели. Попадая на полотно, дымные завитушки начинали играть. Сполохи сливались в дивные узоры, которые меняли друг друга то вспыхивая огнём, то тускнея, устремляясь к солнцу или кружась на месте, разбегаясь и сталкиваясь с другими рисунками.

Сокол тогда ложился на землю и смотрел на игру дыма и света, либо просто отдыхая, либо стараясь разгадать тайну узоров. Часто ему удавалось увидеть знаки, которые толковались и так и эдак, реже сполохи вызывали отчётливые видения. А иногда чародею казалось, что сам его дух, ломая законы, пробивал рубежи смертного мира и блуждал в неведомых пределах, насыщаясь свободой.

В розыске пропавшего княжича одно только глядение на волшебные рисунки не годилось. Сокол снял со стены мешочек с конопляными листьями, пожаткал их руками и засыпал в плоску. Неторопливо раздул осиновые угли, добываясь густого дыма, и принялся читать заговор.

Скоро он погрузился в полудрёму и, теребя в руках пояс княжича, постарался вспомнить его лицо. Сокол пролежал так почти час – столько отмеряло колдовству осеннее Солнце...

Несмотря на раннее утро, Сокол пришёл в княжеские палаты сильно уставшим. Ук, казалось, и не уходил никуда, ни спать, ни есть – ждал чародейского приговора. Печатник дремал здесь же на лавке, а воевода мямлил уши, прогоняя сон. Увидев изнеможенного и совсем нерадостного Сокола, князь испугался, но тот поспешил успокоить.

– Сын твой жив. Это всё, что могу сказать наверняка. Здоров ли, ранен ли, в плену или на свободе – не знаю.

Ук выдохнул. Видимо, он опасался худшего. Теперь, после мига улыбки, усталость появилась и на его лице.

– Подумал я, князь, – продолжил Сокол. – И хочу помочь тебе в поисках. Дело не только Варунка касается, тут вся Мещера под угрозой.

– Найди его, чародей, – встрепенулся князь. – Всё дам, что надо – серебро, коней, воинов – только найди. Сам уж готов мчаться куда глаза глядят, да что с того толку...

Глава вторая

Поиски

Выслушав Сокола, Рыжий некоторое время молчал. Не потому молчал, что был впечатлён рассказом, а потому, что жевал. Лицо его вовсе не выражало тревоги за судьбу княжича или княжества, оно вообще ничего не выражало, словно чародей поведал ему не особенно хитрую притчу, суть которой не показалась Рыжему занимательной или полезной.

– Да... – произнес он, дожевывая. – Барыша в этом деле будет не много, а хлопот, чувствую, огребём. Опять ты, Сокол, ради князя стараешься. В прошлый раз по болотам лазил, пиявок кормил... едва ноги унёс. Теперь неведомо куда занесёт. От княжьих бед всегда спины у других ломаются. Ук у нас хоть и не кровопивец, как многие из его племени, но и не праведник ведь.

Рыжий вообще считал всякую власть никчёмной и вредной и не любил её, как только мог, а именно – чинил шкodu при каждом удобном случае. Соблюдая при этом, правда, священное правило – в своём доме не гадить.

Тарко молчал, не обращая на ворчание товарища никакого внимания. По поводу властителей он особо не напрягался, потому как считал себя человеком свободным, ни от кого независимым. Но всё же была одна беда – давно и безнадежно он влюбился в дочь старого Ука Вияну и ради неё готов был на любое, самое безумное и не сулящее никакого прирyтка предприятие.

Сокол убеждать Рыжего не собирался. Сказал просто:

– Ты, Роман, такие завёрнутые дела любишь, толк в них знаешь, и мне, я полагаю, поможешь. Не князя если, так нашей дружбы ради.

– Мудрёно это всё, – поморщился тот. – Напоремся неведомо на что.

Но он уже сдался. Да и не мог Рыжий отказать Соколу, даже если бы дело и впрямь ему не по нраву пришлось. Так только поворчал, из приличия.

– Лады, – сказал, наконец, он. – Мне надо собрать кое-что. Когда выступаем?

– Завтра. Рано утром, – ответил чародей. – Но ты лучше приходи к вечеру. Мало ли что.

Встали затемно. Собранные с вечера мешки и сумы погрузили на лошадей, что прислал накануне князь. Поклажи разнообразной наготовили изрядно – неизвестно, может, до холодов и не вернутся. Седлали верховых коней, присланных с княжеских конюшен. Своих-то ни у кого из них не завелось. Сокол прислуги не держал, а самому за животными ухаживать – это же сколько мороки. Рыжий часто отлучался, а Тарко не разбогател ещё, чтобы конём владеть.

Когда солнце встало, появились трое дружинников в доспехах и при оружии. С ними отрок – слуга – не самым же в пути заниматься всякой чёрной работой. Воины поздоровались, но в дом не зашли – ждали в сёдлах. Старшим князь отправил того самого Малка, по прозвищу Заруба – воеводу и правую свою руку. Двое других Соколу тоже знакомы оказались – воины бывалые. Того, что постарше, заросшего огромной бородой, скрывающей половину лица, прозывали Дуболомом за недюжинную его силу. Молодой дружинник по имени Никита, казался рядом с Дуболомом совсем мальчишкой, однако слыл в сотне Зарубы первым рубакой, и воевода брал его всякий раз, когда дело пахло хорошей сшибкой. Отрока чародей раньше не встречал. Старшие называли его Тишкой и за ровню, судя по всему, не держали.

Оставив дом на пса, чародей не пренебрёг запечатать дверь и сторожевым волоском, прикрепив его к дереву каплейкой мёда. Если кого страх не остановит, то стоит татю нарушить волосок, как у нескольких соседей разом вспыхнут тревожные лучины. А соседи не крестьяне какие-нибудь – все сплошь люди, ворожбе не чуждые. Так, что вору или прознатчику мало не покажется, даже если каким-то чудом с псом справится.

Дружинники хмуро наблюдали за вознёй Сокола у двери. Сердились, видно, на князя, что приставил их подручными к чародею. Сокола они уважали, и всё же не воинская это работа – чародея сопровождать.

– Сперва в Елатьму, – не замечая недовольства, распорядился Сокол. – Встретимся там с одной ведуньей, расспросим её. Она в таких делах больше моего смыслит. Может, присоветует чего...

Дружинники не возразили. Чего теперь трепыхаться, когда на колдовскую дорожку встали. Раньше надо было спорить, с князем. Но тот и слушать ничего не желал. Заруба лишь пожал плечами, одновременно и соглашаясь с чародеем, и снимая с себя ответственность. Остальные нетерпеливо ждали, когда весь отряд разберётся по лошадям.

Сокол держался в седле так, как будто с детства больше воевал, чем чародействовал. Вооружен он был не хуже княжеских ратников – и меч, и кинжал, и самострел, и ещё чего-то в мешке, чего у обычных воинов и не водится. Только, в отличие от воинов, он отправился без брони – в обычной меховой безрукавке, надетой поверх рубахи. «Старый уже, чтоб тяжесть такую на себе таскать», – пояснил чародей.

Тарко тоже доспеха не надел, а из всего оружия у него имелся лишь меч. Но зато какой! Всем мечам меч. Даже Заруба с Дуболомом поглядывали на юношу с уважением. Ясно было, что не на дороге он меч подобрал. Такое оружие случаем не добудешь.

Рыжий, исходя из мысли, что кашу маслом не испортишь, собрал всё, что смог. В числе прочего и тот самый колонтарь, сделанный наподобие сурьского, в котором он разыгрывал из себя коломенского наместника. В этот раз он его у кузнеца выкупил совсем, ибо не надеялся вернуть целым и невредимым. Рыжую голову прикрывал единственный на весь отряд шлем. Даже Никита оставил свой дома – не в поле отправились, в лес, к чему среди ёлок шлем? Что касается оружия, то Рыжий набрал его немерено. И меч, и секиру (которой он толком и не владел), и копьёцо, и лук с добрым запасом стрел, а вдобавок арбалет, и кинжал, и даже аркан привязал к седлу – так, на всякий случай. Своим видом – укрой бронёй коня и вылитый крестоносец – парень вызвал у опытных воинов улыбки. Впрочем, они его нисколько не трогали.

– Будет что лишним, вон, Тарко отдам, – сказал Рыжий.

– Теперь тебя за князя все принимать станут, а нас как бы охраной при тебе, – рассмеялся негромко Дуболом. Остальные усмехнулись, и Сокол подумал, как хорошо, что хмарь сошла с их лиц. Путь лучше начинать с веселья.

Путешествовать в эту пору было приятно. Теплое солнышко бабьего лета не жарило как в июле, а комары да мошки давно пропали. Ночами, правда, бывало и холодно, но путники ночевать в лесу не собирались.

Шли о-двуконь, ещё несколько лошадей вели с припасами – старый Ук не скупился, предоставил всё необходимое. Одной еды набрали на месяц пути. А ещё шатёр, клетка с голубем, покрывала для лошадей и много другого. А не хватит чего, так серебра имелось достаточно, чтобы купить нужное.

Город остался позади. Возле Напрасного Камня свернули на Елатомскую дорогу. По ней двинулись быстро, без напряжения – путь этот был самым оживлённым во всей Мещере.

Прежде всего Елатомская дорога считалась военной, и местные князья следили за ней больше чем за прочими. Кое-где даже подъемы и спуски вымостили камнем или деревом. Такое внимание дороге князья уделяли не зря. Расчёт у них имелся.

От Елатьмы до Мещёрска через лес тридцать вёрст. Несколько часов ходу, если верхом налегке и со сменой коней. По Оке же, которая в этом месте сильно петляет, около ста вёрст набирается. И всё против течения. Да к тому же часты здесь мели и перекаты. А в протоках и заливах легко заплутать с непривычки, попав не в тот рукав. Так что, в лучшем случае, пару дней на дорогу потребуется. Этим и пользовались мещёрцы, предупреждая стольный город о нападении. Пока враг полз вверх по Оке, сторожа, меняя коней на подставе в Полутино, быстро добирались до Мещёрска. Наступать же на Городец Мещёрский по Елатомской дороге с непривычки неудобно – дорога узкая, большому войску быстро не проскочить, по бокам лесные засеки и среди них засады, а вокруг топи. А ещё на пути врага стоит село Которово с его драчливой бойцовой артелью, что и своим-то соседям житья не дает (отчего скоро в обход села образовалась кружная тропинка), а врагам и подавно.

Года два назад случилась здесь свара залётной разбойничьей шайки с местными мужиками. Ватага высадилась на берег гораздо ниже Елатьмы – у Сосновки, и поэтому стража её проморгала. Пограбив Полутино, разбойники ворвались в Которово, надеясь на лёгкую победу. Но не тут-то было. Местные бойцы собрались быстро и устроили пришлым встречу, едва те принялись разорять первые дворы.

С рожнами и рогатинами, а кое-кто и с более серьёзным оружием, мужики окружила шайку и забили разбойников всех до единого. Князь тогда, после следствия, пригласил нескольких самых буйных селян на службу, надеясь разом, как говорится, убить, и паука и муху – дружину укрепить, да село утихомирить. С первым у него неплохо получилось, а вот с селом не выгорело – нашлись там и другие вожаки.

Которово отряд проскочил удачно – жители княжеских мечников не задирали и обычное мыто за проезд через село не вымогали. Далее по ходу стояло Полутино, где решили остановиться, чтобы перевести дух и выпить пива. На заезжем дворе повстречали княжеского конюшенного, что присматривал за десятком подменных коней. Он оказался единственным посетителем крохотного заведения, и, судя по угодливости хозяина, был тем самым источником, что не позволял делу вылететь в трубу.

Узнав, что путники в лошадях не нуждаются, конюшенный вернулся за стол. Дружинники тут же подсели к нему, угощаясь выпивкой в обмен на новости. Сокол с Тарко сели отдельно, принялись вполголоса беседовать о чём-то своём. Тишку оставили при лошадях, а Рыжий, получив кувшин пива, взялся разговорить хозяина.

Тот отвечал охотно, не забывая, однако, посматривать на гостей: не кончилось ли у кого пиво, не появилось ли желание перекусить?

– В зиму так часто останавливаются, – говорил он. – Купцы странники и пилигримы разные, да на торг люди едут – дорогу коротят. Из Муромы по льду, а от Елатьмы срезают. Многие здесь ночуют. Зима – хорошее время. А в другую пору редко кто появляется. Княжьи воины заезжают пива выпить или перекусить, но на ночь не встают. Мещёрск-то близко.

– И чем живёшь без гостей? – участливо спросил Рыжий.

– Да так, охотой, бывает, промышляю. Овощ всякий ращу – на зиму запас делаю. Да вот, конюшенный княжеский живёт, дай бог ему здоровья. Редко, но, бывает, и местные мужики заглядывают.

– Добавь ещё, – Рыжий протянул хозяину кувшин. – И что, совсем с постояльцами туго?

– Туго, – хозяин зачерпнул ковшом и, наполнив кувшин, вернул его Рыжему. – Последний раз недели две назад останавливались. Дня на три. Станные какие-то. Монахи, а верхом путешествуют. Вроде, и дел здесь никаких быть не может у монахов-то?

– Ага, странно, – кивнул Рыжий.

– Вот и я говорю. Окрест, до самых Сельцов, ни одного православного жилища. Ни монастыря, ни церквушки какой. Чего им тут делать?

– Может это и не монахи вовсе? – предположил Рыжий, прихлёбывая из второго кувшина уже не спеша.

– Да нет, вроде монахи. Молились поутру и вечером усердно. И говор у них церковный. Знаешь, такой, на греческий лад.

– А селяне что про них говорят?

– Ничего не говорят. Монахи в село и не совались. Ездили куда-то каждый день по дороге. То в одну сторону, то в другую, то поворачивали на Кусмор и Сосновку. С людьми не говорили. Даже со мной только о постое и еде, а с ним, – хозяин кивнул на конюшего, – и вовсе парой слов не перекинулись. Заплатили, правда, хорошо, не жалеюсь.

Помолчали немного. Рыжий решил спросить о деле.

– А княжьего сына давно здесь не видел?

– Александра?

– Нет, младшего, Варунка.

– Ой, давно, – хозяин почесал голову. – С весны прошлой не видел. Да он нечасто в наших местах появляется. Только со старым князем если. А чего спрашиваешь?

– Да так.

– А-а...

Воевода вышел во двор по нужде, за ним, поднявшись из-за стола, потянулись и остальные. Пора было в путь. Дуболом расплатился за всех, поторопил Рыжего. Вышли, разобрали коней и отправились дальше.

До полудня проскочили Полянки, где перешли бродом Унжу. Спустя час показались укрепления Елатмы.

Крепость здесь возвели поменьше, чем в Мещёрске. И хотя стояла она над крутым и высоким берегом, против серьёзной осады казалась слабоватой. Разбойников сдержать хватит, а от настоящего врага не упасёт. Ну не для того и строили. Несколько дней продержится – и то ладно. Мещёрску и дня достаточно, чтобы подняться.

В городе разделились. Дружинники отправились навестить сослуживцев, Рыжий с Тарко осели в знакомой уже по прежним приключениям корчме, а чародей отправился на окраину к Мене.

Сокол постучал. Услышав приглашение, открыл дверь.

Ещё ни разу ему не довелось застать молодую ведунью врасплох. Вот и теперь, войдя в дом, он обнаружил завидную чистоту и порядок. Не случилось у Мены и посетителей.

– Здравствуй, чародей, – улыбнулась девушка. – Вижу, конь под окном стоит. Значит, по делу пришёл? Или всё же по пути заскочил, по старой дружбе?

– И по делу, и по дружбе, и по пути, – ответил Сокол. – А по пути куда, сам не знаю. Вот, может быть, ты подскажешь...

Мена поставила перед гостем квас и развернула тряпицу с тёплыми ещё пирожками.

– Поешь с дороги-то.

Сокол прикусил пирожок, запил квасом и перешёл к делу.

– Сын у князя потерялся. Не сам собой, понятно. С чьей-то помощью. Вести важные вёз, да исчез по дороге. Здесь где-то, между Муромом и Мещёрском.

Я его найти попытался, но время ушло. Вторая неделя к концу подходит. Узнал только, что жив пока княжич. Надеюсь, ты больше узнать сможешь. Знаю, сильна ты, Мена, в поисках вещей утерянных и людей пропавших. Потому, первым делом к тебе и заехал.

– Который из сыновей Ука потерялся? – спросила Мена. – Неужто наш Александр?

– Нет, младший, Варунок, – Сокол протянул золоченый пояс. – Вот его вещичка. Может, отзовётся тебе, укажет путь...

– Да, видела его как-то, – припомнила ведунья. – Тихий такой мальчик, черноволосый и почти без усов.

– Он самый.

– Что ж, – сказала Мена. – Постараюсь тебе помочь. Тебе и князю.

Достав большое серебряное блюдо, она зачерпнула из печи немного тлеющих угольев. Поверх них положила пучок сухой травы, отчего трава принялась дымиться, но не вспыхнула, так как девушка оросила её пахучим настоем из ковшика. Блюдо ведунья обложила поясом.

Сокол отошёл в угол, чтобы не мешать, да и не попасть ненароком под неизвестные чары.

Ворожба девушки внешне походила на его собственную, хотя на самом деле между ними было мало общего. Сила, к которой обращалась Мена, чародею не нравилась. Не пугала, не подавляла, просто отталкивала. Он вообще не любил использовать внешнюю силу, рассчитывал только на себя. Не всегда это вело к успеху, но неизменно позволяло Соколу сохранить свободу, которой он дорожил больше всего прочего. Мену же, казалось, никакие чуждые силы смутить не могли. И Сокол признавал, что девушка при том не потеряла ни толики свободы.

Ведунья долго гадала, положив руки на пояс. Сидела, закрыв глаза, бормоча под нос какой-то свой заговор. Скоро она стала покачиваться из стороны в сторону, и Сокол заметил, как подрагивает её щека. Так продолжалось около часа, после чего всё резко закончилось. Потерев пальцами виски, Мена сказала:

– Очень трудно было разыскать мальчика. Мешает чужая ворожба, а какая, не понять мне. Видела княжича в крови, бредущего по лесу, трясцой поражённого. Видела воев комонных в ризах чёрных с крестами серебряными, с мечами харалужными. Недобрые то воины. Мнихи оружные. Княжич жив, но в жару. Лежит где-то в месте укромном. За ним ухаживают, его охраняют. Не друзья охраняют – монахи. Больше не видела ничего.

Мена встала, протянула чародею пояс и залила угли.

Вооруженные монахи – дело для здешних мест необычное, если не исключительное. Сокола это сразу насторожило. Христианские иерархи в местные дела не лезли. Строить монастыри и церквушки им, понятно, никто не запрещал, в тех местах, конечно, где их паства селилась, да в крупных городах. Но и местные святыни – будь то мещёрские и марийские керемети или мордовские капища – разрушать православным не позволяли.

То, что Варунок попал в лапы воинов церкви, с одной стороны являлось вестью доброй, хотя бы потому, что положило конец догадкам и сомнениям. С другой же – подтверждало опасения старого князя о московском следе. Враг более чем серьёзный. И старый, и новый одновременно. С Москвой вражда давняя, а вот монахи с мечами впервые появились.

Впрочем, поправил себя Сокол, однажды ему уже довелось пересечься с оружным чернецом. Мельком. Когда тот навещал мятежного князя во время осады Муром. В то время у чародея иных забот хватало, и теперь он жалел, что не догадался присмотреться к монаху пристальней.

– Возьми за помощь, – Сокол протянул Мене гривну. – Может так статься, что видение твоё нам сильно поможет в поисках. Подумать есть над чем.

– С тебя плату не возьму, – ведунья наклонила голову.

– Это не с меня плата, а с князя, – возразил Сокол. – Так что бери, не спорь.

Он положил серебро на стол.

– Боюсь только, пропажей дело не кончится. Варунок про большую угрозу весть вёз. Не только князьям, всему краю...

– Дай знать, если помощь потребуется, – Мена улыбнулась. – Да и просто так заезжай, не хоронись за делами...

Сокол подъехал к корчме Колеса, когда весь отряд уже собрался. Дружинники славно повеселились с товарищами по княжеской службе, немного развеялись в городе и выглядели вполне довольными жизнью. Пошатываясь от обилия пищи и выпивки, вышел из корчмы Рыжий, а когда забрался в седло, понял, что перебрал и с тем, и с другим. Дружинники, глядя на него, зубоскалили – они-то учёные были и в дорогу пузо сверх меры не набивали. На скаку не больно сподручно нужду справлять, а дёргать товарищей остановками считалось неуважением. Сокол и вовсе остался почти голодным, поэтому жевал на ходу кусок телятины, припасённой для него Тарко.

Время чародей потратил не впустую, но всё же потратил. Вернуться на Муромскую дорогу до темноты они никак не успевали.

К радости давешнего хозяина, заночевали в Полутино. Хотя за долгий день и умаялись от скачки, решили всё же до сна провести небольшой совет. Собрались наверху, в большой комнате, что заняли кмети.

Сокол как смог пересказал, что увидела в дыму ведунья, изложил свои мысли на этот счет. Рыжий, кстати, вспомнил, что говорил ему про монахов местный хозяин. Заруба, почуяв, наконец, и для себя хоть какое-то дело, вызвался хозяина хорошенько допросить. Спустился с Никитой вниз и скоро оттуда донесся его грозный рык. Большой охотник видно был до допросов этот Заруба.

Хозяин выложил всё, что знал, но кроме общего описания прохожих чернецов, ему ничего не припомнилось.

– Значит так, – подытожил воевода. – Первое – монахов было двое. Второе – они действительно шатались по краю оружными, хотя мечи свои прятали, на виду не носили. И комонные – по два коня на каждого. Третье – монахи были здоровые, настоящие витязи в черных рясах.

– В Елатье про них никто ничего не слышал, – сказал Рыжий. – Хотя там народу много толчется, могли и не приметить. А мы не расспрашивали. Жаль. Надо было бы.

– Завтра все одно пойдём на Муром. Здесь задерживаться не будем, – решил Сокол. – По пути в селениях поспрашиваем и про княжича, и про монахов странных этих.

– И откуда они взялись такие? – удивился Заруба – Монахи с оружием... Чепуха какая-то.

– Это вопрос, – согласился чародей. – Надо бы про них разузнать побольше. Ох, не зря они здесь объявились. И не только за княжичем пришли, думаю. Что-то ещё вынюхивают.

Чародей достал из сумки кусок бересты и принялся (за чернилами лень было лезть) царапать на ней послание.

– Князю отпишу. Пусть своим людям про монахов скажет, может, разузнают чего.

Дописав, Сокол скатал бересту, перевязал веревочкой и, пролив со свечи расплавленного воска, приложил личную печать. Свиток оставили конюшенному с твердым наказом: доставить князю с первой же оказией. Сами же, чтоб времени попусту не терять, в Мещёрск решили не заворачивать.

Покинули двор, хорошо выспавшись. Солнце уже основательно пропекло землю, однако стоило им выехать, как небо заволокло хмарью, и взялся моросить дождь. Дорога быстро раскисла, из-под копыт коней полетела первая грязь.

В Которово Заруба нос к носу столкнулся с тамошней вольницей. Нет, воеводу не стали задирать, но когда он остановился на перекрёстке, решив таки поспрашивать селян о монахах, улицы вдруг опустели. Провернувшись на месте и заметив лишь старую женщину, Заруба надумал расспросить хотя бы её, но едва он окрикнул, та юркнула за угол и исчезла в каком-то проулке.

Которово словно вымерло. Семеро всадников простояли посреди села битых полчаса, но убраться восвояси воеводе мешало упрямство, а Сокол не торопил. Ему и самому любопытно стало, чем дело закончится.

Заруба всё же переупрямил вольницу. К отряду подошёл паренёк. Держался он уверенно, чтобы не сказать дерзко. Никакой робости перед княжими воинами не испытывал, а на вопросы отвечал коротко, не скрывая, что желает побыстрее спроводить незваных гостей.

Да, монахов селяне пару раз видели, но те к людям не обращались. По лесу шастали, по дорогам рыскали. Может, искали чего. Народ божьих людей не задирал, те тоже спокойно себя вели, так что веселья в тот раз не получилось.

Заруба пробурчал что-то вроде благодарности, и они поехали дальше.

– Распустил князь народ, – ворчал воевода. – На московской стороне, небось, не посмел бы молокосос с воином как с ровней говорить. А на сотника и глаз бы не поднял.

– Успокойся, Малк, – улыбнулся Сокол. – Потому вольные люди большей частью и бегут сюда, а не отсюда. Ты и сам-то Мещеру выбрал, хоть и тверской по рождению.

– Ты и про это наслышан? – Заруба горько усмехнулся. – Когда я бежал, там такое творилось, что и бояр за холопей считали. Резня там началась страшная.

Воевода хлопнул коня по холке.

– Оно всё верно, что ты говоришь. Но и дружину уважать надобно...

Ближе к столице зачастили встречные крестьянские возки – народ разъезжался по деревням после пятничной торговли. Возле Напрасного Камня, откуда до Мещёрска рукой подать, повернули на Муромскую дорогу. Здесь ходу поубавили, пошли не спеша, то и дело проверяя по обочинам следы. Несколько раз то Заруба, то Сокол, что-то почуяв, останавливали отряд. Спешивались и словно псы изучали прилегающий лес.

Нужного следа, однако, не находилось.

К вечеру уже почти добрались до Свищева, что стояло возле самой границы муромских владений.

Дорога здесь петляла, пробираясь меж сосновых и берёзовых чащоб, обходя стороной болота и прочие гиблые места. Никаких селений, кроме самого Свищева, по пути не значилось почти до самого Муром. Народ здешний держался в стороне от беспокойной дороги, хоронясь от лихоимцев и нечисти. Селился по лугам и полянам, возле озёр и речушек. К починкам и весям вели едва заметные тайные тропки.

Дождь утихать и не думал. Путники скоро почувствовали, что одежда набухла, а вода принялась заливать за шиворот. Стемнело. На лесную дорогу вечер приходит раньше и наступает внезапно.

Вместе с мраком пришли и неприятности.

Дружинники уже высматривали впереди огонёк постоянного двора, как вдруг охромела одна из лошадей с поклажей, ступив в залитую водой яму. Тишка, резво спрыгнув с коня, бросился к ней, но угодил в ту же яму. Охнув, присел – подвернул ногу. Заруба ругнулся на отрока, на лошадь, на судьбу и на богов, но делать нечего, пришлось вставать на ночлег посреди леса.

Места, годного под шатёр, не нашли, как ни искали. Хоть посреди раскисшей дороги стан возводи. Кругом стоял непроходимый лес, к тому же изрытый овражками и ямами. Дружинники, срубив несколько молодых сосен, расчистили малую плешь, куда и костёр-то едва поместился. Огонь разводили долго.

Тарко с Рыжим, выбрав за основу пару толстых деревьев, принялись возводить шалаш из веток и лапника. Сокол прямо во тьме, в дорожной грязи, занялся Тишкиной ногой. Соорудив лубок, заковал распухшую ногу, после чего отвёл паренька в укрытие. За шалашом среди деревьев разместили лошадей.

Заруба же – бережёного и боги берегут – отправился разведывать окрестности – нет ли засады или ещё какой напасти под боком.

Когда он вернулся, костерок уже пылал, а промокшие люди разогревали над огнём мясо. На краешек костра поставили котелок с водой. Намяв душистых листьев и сушёных ягод, ждали, когда закипит.

– Вроде всё чисто, – сказал Заруба. – Дуболом, сторожишь первым. В полночь поднимаешь Никиту. Если ничего не случится, толкнёте меня на ранней заре. На ночь броню не снимать. Оружие держать под рукой... Ну да что вас учить.

Махнув рукой, он присоединился к трапезе. Ел без усердия, больше по привычке, а, поев, сразу отправился спать. Остальные скоро потянулись следом. Только Тарко в шалаш не пошёл. Сев под деревом, прислонился к стволу спиной, а княжеский меч положил на колени. Закрыв глаза, но спать не собирался – слушал лес.

На них напали под утро, когда сторожить встал Никита, а Тарко уснул. Разбой на Муромской дороге занятие обычное, но, приняв хорошо вооруженный отряд за небольшой купеческий поезд, лиходеи сильно просчитались.

Присутствие чужаков Сокол почуял загодя. Приподнялся на локте, толкнул в бок храпящего Зарубу. Тот раньше потянулся к мечу, чем открыл глаза. От резко смолкшего храпа проснулся и Рыжий.

Поднять остальных они не успели.

Прошелестела стрела. Никита, примеченный нападающими в отсвете тлеющих углей, с хрипом завалился на бок. Видимо, чужаки не решились подбираться к нему с ножом, понадеялись, что шума стрелы никто не услышит.

Поняв, что имеет дело всего-навсего с людьми, а не с нечистью, воевода приободрился и уже готовился выскочить из укрытия, но Сокол удержал его за плечо.

– Не спеши, Малк, – шепнул чародей. – Пусть подойдут поближе.

Через некоторое время полнейшей тишины послышался хруст ветвей, затем чавканье шагов. На дороге показались тени. Разбойники крадучись подбирались к шалашу, держа в руках топоры и копья. Сабля имелаась только у одного из них, видимо предводителя. В него-то, не дожидаясь знака от Сокола, и разрядил самострел Рыжий, едва разбойник оставил за спиной кострище. Рыжий целился в грудь, но промахнулся. Стрела ушла выше и смачно вошла жожакукуда-то под горло. Тот, даже не вскрикнув, упал замертво.

Сокол легонько подтолкнул воеводу в спину, мол, время пришло. Выставив перед собой меч, старый вояка выскочил из шалаша с диким рыком. Мгновением позже, бок о бок

с Зарубой оказался чародей. За ними, громко треща ветками и ломая постройку, выбрался Рыжий. Он сжимал в одной руке меч, а в другой боевой топор, из-за чего не имел возможности пустить в ход ни то ни другое. Он даже успел нахлобучить шлем, но тот сбился набекрень, и Рыжий, ничего в нём не видя, снёс целую стену, прежде чем выбрался окончательно. Ругая Ромку на чём свет стоит, из развалин появился заспанный Дуболом.

Ошеломлённые нечаянным сопротивлением, разбойники резко встали и попытались перестроиться. Но тут из-под дерева выскочил Тарко. Он перерубил древко ближайшему копейщику и направил меч на второго. В довершении всего, целый и невредимый, появился в тылу нападавших Никита.

– Железо на землю! – зарычал воевода. – Или, ёпть, всех зарублю!

Неудачливые разбойники, оставшиеся к тому же без вожака, прорываться не решились, хотя и смогли бы, ударь они разом на Никиту или Тарко. Побросав оружие, ватажники без возражений дали себя связать.

– Сосунки – удовлетворенно прорычал Заруба.

Осмотрев пленных при свете факела, воевода переменялся в лице

– Не те! – плюнул он и с досады пнул сапогом в бок одного из разбойников.

– Чем не те? – удивился Дуболом.

– Не монахи.

Спать уже не ложились. Вытащили из-под завала Тишку, вновь развели огонь. Осмотрелись. Никиту всё же зацепило – стрела пробила доспех, но дальше прошла лишь самую малость. Остальные не пострадали вовсе.

Заруба взялся за допрос. Угрожая выпустить разбойникам кишки, посадить их на кол, а также проделать с ними всё прочее подобное, воевода быстро выяснил, кто они такие и что тут делают. Впрочем, ответ на последний вопрос был и так очевиден. Спросил, как бы между делом, и про монахов, и про отряд княжича. И тут неожиданно появилась ниточка. Шайка, оказывается, пересеклась с чернецами некоторое время назад. Правда, монахов встретилось им не двое, а целых четверо, но были они те самые – оружные и комонные. Лиходеи напорлись на страшных воинов по ту сторону от Свищева, в муромских землях – и еле унесли ноги.

– Мы только вышли из лесу, – рассказывал один из пленников, – как они похватали вдруг мечи и разом бросились на нас. Ну и лица у них были, скажу я вам. Ничего человеческого. Двое наших так там и остались.

– Не больно лёгкий, погляжу, у вас промысел, – впервые перестав рычать, усмехнулся воевода. – Где добро-то скрываете?

Старый вояка никогда не забывал о честном заработке. Разбойники замялись.

– В общем, так, – сказал Заруба. – Покажете добро, живыми оставлю. А нет – так и возиться с вами не стану. Разговор долгим не будет. Как говорится, у вас товар, – Заруба показал на голову ближайшего пленника, – у нас купец, – потряс он мечом.

– Мы и сами не знаем, где оно запрятано – ответил тот, чью голову сватали. – Атаман наш имел местечко укромное. Далеко, во владимирских землях. Но нам его не показывал. Один ходил.

– Времени нет у нас – схроны разбойничьи искать, – отозвав воеводу, тихо сказал Сокол. – Надо отправить их к князю, пусть он разбирается. А себе оставим одного в проводники, чтобы указал место, где они с монахами повстречались. Может, хоть след какой-нибудь там возьмём.

Заруба, поворчав, согласился.

Как рассвело, отправились в Свищево. Моросящий дождь так и не прекратился, напротив, усилился, и скоро с небес лило уже вовсю. Дорога совсем раскисла. Коням пришлось тяжело, особенно на спусках и подъемах. Благо Свищево оказалось совсем рядом. Лес отступил, и с горы открылся вид на село дворов в сорок, на речку Ксёгжу, что текла через него, на почти убранные поля по другую сторону реки.

Перед тем как спуститься к жилищу, Заруба послал на разведку Дуболома, у которого здесь проживала дальняя родня. Послал так, из опаски, вдруг да засели на постоялом дворе монахи или дружки пойманных разбойников.

Сколько веков существует Муромская дорога, столько веков и промышляют на ней лихие люди. А поскольку запоздавшие путники останавливаются в Свищеве, то и лихоимцы всё время вертятся где-то рядом. За вином да пивом прознают, кто да что везёт, и сколько при нём охраны, а потом встретят в лесу болтливого человечка – и тюкнут по темечку. Говаривали, что разбоем перебиваются и сами свищевские. Днём, дескать, в поле пашут, а ночью на дорогу выходят. То-то и дома, мол, у них богатые, не сравнить с другими православными сёлами. Правда, поймать за руку местных ещё никому не удавалось.

Дуболом обернулся быстро.

– Нет там никого. Не считая прислуги, хозяин только. На вид сущий пройдоха. Не удивлюсь, если знает он с теми монахами. Прижать бы его... – Дуболом подумал, чего бы еще сказать, да ничего не надумал.

– Ладно, пошли, – бросил воевода со зловещей улыбкой. Он нутром чуял приближение хорошей сшибки.

Осторожно спустились в село. Окружённый невысоким острогом, постоянный двор расположился прямо перед мостом и объединял три дома, один из которых выглядел настоящими хоромами. Вошли. Рослый хозяин встретил княжеский отряд хмуро. Мельком глянул на пойманных татей, но неприятия своего не показал. Заруба отсыпал ему горсть розовых пряслиц, которые в этих местах ходили вместо мелкой монеты, и сказал:

– Берём все верхние комнаты большого дома. Не подселяй никого – выброшу. Есть наверху будем. Что готово из кушаний, тащи прямо сейчас...

Завели лошадей в пристройку, задали корму. Всё приходилось теперь делать самим – мальчишка ходить ещё не мог, а слуг под рукой у хозяина почему-то не оказалось. Тишке помогли подняться наверх, уложили на лавку и укрыли шкурой. Ничего не евший с утра Заруба отправился подгонять хозяина. Остальные принялись сушить промокшие вещи и одежду. Пленных заперли в соседней комнате и сторожили по очереди.

Воевода вернулся злой и встревоженный.

– Не нравится мне что-то здесь. Корчмарь, сволочь, работников усрал куда-то. Как бы не навел на нас ещё каких злодеев. Думал оставить здесь мальчишку с Никитой, да разбойников этих, чтоб подмоги дождались, а то куда нам с такой обузой? Теперь вот не знаю, что и делать. То ли всем вместе дальше идти, то ли всем оставаться придётся. Что скажешь, чародей?

Сокол задумался. Потом сказал.

– Думаю, князю весть подать надо. Да так, чтобы не прознал никто из местных.

– Дуболом! – позвал воевода. – Кто у тебя тут из родственников? Кому можно довериться?

– Брат есть троюродный, – ответил дружинник. – Мал паренёк, но шустрый. С бабкой живёт, без родителей, как и я.

– Давай его сюда, – распорядился Заруба.

– Обожди, Малк, – остановил Сокол. – Не надо сюда никого тащить. Приметят, чего доброго. Пиши грамотку князю и пусть Дуболом сам парню её отдаст. Пойдёт вроде родственников навестить, вот и отдаст. Никто ничего не заподозрит.

– Верно, – согласился воевода. – Пусть так и будет.

Заруба составил послание, в котором требовал от князя подкрепления и описал сложившийся неприятный расклад. Запечатал. Отдал мечнику.

– Иди давай. Не мешкай. Да назад не задерживайся. Не до пирогов нам теперь.

Безропотно нацепив на себя непросохшую одежду, Дуболом молча вышел.

Вообще-то для отправки срочной вести они взяли с собой голубя. Но с князем условились посылать птицу только когда точно на след Варунка встанут, а другим способом весть подать будет нельзя. Так что голубя решили пока поберечь. Надеялись на лучшее.

Предварительно перекусив и ещё доедая на ходу кусок пирога, Рыжий отправился высматривать возможности на случай бегства. Он давно взял за правило заранее готовить отнорок. Такая уж у него жизнь, что запасной выход очень часто приходился кстати.

Долго искать не пришлось. Спустившись к речке, он приметил несколько маленьких лодок (большие по Ксёгже разве что в половодье пройдут) и только тогда успокоился, когда прикинул, как к ним можно пробраться, если постоянный двор обложат со всех сторон.

Нашлось дело и для Никиты. Под предлогом необходимости ухода за раной, он не спускал с хозяина глаз, занимая того всяческой суетой с примочками и отварами. Сокол, применив кое-какие хитрости из своего чародейского набора, попытался мысленно разыскать Варунка, но у него ничего не вышло. Или княжич был слишком далеко, или чужое колдовство мешало. Бросив затею, он улёгся на лавку – отдохнуть и подумать.

Тем временем в селе затевалось что-то непонятное. Сначала оно будто и вовсе вымерло. Люди перестали появляться на улице, и даже скотина как будто разошлась по домам. Потом возле ближних к постоялому двору изб начали собираться мужики. Воевода, наблюдающий за всем этим через узкое с задвижным ставнем оконце, беспокоился всё сильнее. То запуская пятерню в бороду, то ероша на голове волосы, он скоро приобрёл вид косматого весеннего медведя.

– Ох, чую, будет драка. Ещё до вечера будет. Где там Дуболом запропастился?

Вернулся с разведки Рыжий.

– Поднимается село, что твоя опара, – заметил он, ничуть не показывая волнения.

Вскоре подошёл и Дуболом. Подтвердил – да, в селе беспокойно. Воевода вышел из комнаты и крикнул с лестницы:

– Эй, Никита! Тащи сюда этого... Дворника!

Хозяин упирался. Силищи в нём обнаружилось изрядно, и окажись на месте Никиты кто другой, ещё неизвестно чья бы взяла. Но не с княжим воином тягаться деревенскому богатырю. Никита схватил противника в охапку и как следует встряхнул. После чего тот стал сговорчивее и поднялся наверх уже собственными ногами. Заруба велел привязать хозяина к столбу, что стоял посреди большой комнаты, подпирая крышу, и со знанием дела принялся задавать вопросы. Куда послал подручного? Что творится на селе, и имеют ли к этому отношение монахи? Каждый вопрос сопровождался тычком внушительного воеводского кулака в не менее внушительное хозяйское брюхо. Сокол наблюдал за допросом, между делом растирая в ступке какое-то зелье. Рыжий, пустого насилия не любивший, встал на стражу к окну.

Хозяин, однако, ничего толком не говорил. Воевода свирепел, удары становились с каждым разом сильнее.

– Железом его надо пытаться, – весело посоветовал Никита. – Тогда всё скажет.

Достав из печи ковш кипящей воды, Сокол замешал в нём какое-то снадобье. Никита, чтобы придать угрозам серьезность, сунул в печь подвернувшийся вертел. Хозяин слегка позеленел, но продолжал упорно отрицать злой умысел.

– Побойтесь бога, бояре, не знаю я ничего.

– Твоего бога не боюсь, со своим договорюсь, – ответил поговоркой Заруба и отвесил хозяину очередного тумака.

Тут вмешался Сокол.

– Отойди, Малк, – тихо молвил он. – Так ничего не добьёшься.

Воевода заскрипел зубами, запыхтел обиженно, но чародею место уступил.

– На-ка, мил человек, выпей отвара, – Сокол поднёс к губам хозяина глиняную миску с дымящимся варевом.

Хозяин позеленел ещё больше, решив, что его хотят или отравить или, что ещё хуже, околдовать. Мотнул головой – отпихнул посуду, чуть было не пролив содержимое.

– Пей, не помрёшь, – настаивал чародей.

Сообразив в чём дело, Заруба вытащил кинжал и приставил лезвие к горлу хозяина.

– Тебе, убогому, чего говорят? – прошипел воевода. – А ну пей!

Пересиливая себя, пленник глотнул раз, потом другой. Сморщился.

– Пей ещё, – сказал тихо Сокол.

Тот выпил. Глаза его помутнели, а из уголка губ потекла слюна.

– Теперь говори.

– Спрашивай, – безвольно согласился хозяин.

– Что случилось в селе? – по-прежнему не повышая голоса, задавал вопросы Сокол. – Куда ты отправил прислугу? Откуда про нас узнали? Что знаешь про княжича? Про монахов? Набрав в грудь воздуха, хозяин начал рассказ. Начал издалека.

В прошлом году, зимой, на постоялом дворе остановился купчишка стародубский, следующий по Муромской дороге на торг в Городец Мещёрский. Ехал, понятно, не один – целый поезд купцов тогда собрался. Но в пути простыл, приболел да в Свищеве на несколько дней и задержался. Остальные ждать его не стали, утром уехали. Тогда и решил хозяин с друзьями выпотрошить купчишку. Сначала, как это водится, за больным купцом ухаживали – не в селе же его грабить, в самом деле. Даже девку хозяин нанял, чтоб сидела с больным. А когда тот, поблагодарив и одарив хозяина с девкой, отправился дальше, его и встретили верстах в двух от села. Там овражек тёмный, лесом заросший, и дорога прямо через него идёт, а объехать то место невозможно – лес дремучий да болота кругом. На подъеме том возы с трудом идут, люди лошадям помогают. Испокон веку в овражке этом зипуна брали. И до конца веков брать будут. Очень уж удобен овражек для лихого дела.

Зря купчишка сопротивлялся, добро защищая – пришибли его. Тело в прорубь спустили. Сани, сняв упряжь, порубили и сожгли, а лошадей овдам, лесным девам, то есть, пожертвовали – на волю в лес отпустили. Думали, всё в тайне сохранится, как всегда и бывало. Но в этот раз не вышло. Месяца не прошло, как хозяина призвал к себе батюшка местный. Поп не один оказался. Рядом сидел какой-то важный человек. Он не поздоровался, не назвал своего имени, а перешёл сразу к делу. Выложил все подробности разбоя, назвал место, имена подельщиков и купчишки. Говорил без злобы, но резко, словно топором по бревну тюкал. Злодей недослушал, бухнулся в ноги священникам: «Все, что есть у меня, церкви отдам, сам в монастырь уйду, не губите только. Бес попутал». Ну и всё в таком духе.

Однако, как оказалось, священники ждали от него вовсе не раскаяния. И как монах он был им без надобности. И даже на добро его немалое они не польстились. Им нужна оказалась особая от злодея служба. Положение его, мол, очень удобно, чтобы выведывать разные тайны постояльцев, среди которых случались и не последние в окрестных княжествах люди.

Кроме того, хозяина обязали выполнять волю всякого, кто предъявит особый знак – серебряную печать с буквой «М» и крестом.

С такими людьми не поторгуешься, выгоды не поищешь. На всё согласился хозяин. Так и стал церковным слухом, то есть, по-простому, доносчиком. И через него церковь многое узнала. И, видимо, не одну сгубленную душу прибавил он к злополучному купчишке.

А нынешним летом, в начале августа, в Свищево явился человек. Показал тайный знак и распорядился разместить на дворе четверых монахов, а в помощь им собрать тех лиходеев, что кончали вместе с хозяином стародубского купца. Встретить требовалось некий отряд, что должен был пройти через Свищево на Мещёрск. По-своему встретить. О том, что водителем в отряде значился младший княжич, никого из свищевских, понятно, не предупредили. Монахи вообще относились к ним, словно к холопам, и лишнего не говорили. Могучие мужи в черных ризах, они не походили на обычных воинов. Не пили хмельного, не ели мясного, не шупали девиц и не травили байки. Но силой и ловкостью могли поспорить со старинными богатырями.

Отряд княжича на постоялом дворе задержался недолго: пообедать, лошадей напоить – и дальше в путь. В том же овражке все и легли. Только самому княжичу удалось вырваться, да с ним ещё одному человеку. Монахи денно и ночью караулили Муромскую дорогу, надеясь перехватить беглецов, но из дебрей так никто и не вышел. Навряд ли в живых остались, леса здесь мрачные, полны всякой нечисти, да и зверь лютый водится. Два монаха позже вернулись, а два других – нет, видимо след взяли или ещё по какому делу ушли.

– Ну а на днях снова чернецы заявили. Сказали, будто нужно изловить колдуна. Причём изловить без их, монахов, помощи. Как бы селом, миром. Делать нечего созвали сходку. Тут и поп наш местный постарался – такого про колдуна наговорил, что мороз по коже. Вот и весь сказ, – закончил хозяин.

– Когда точно эти самые монахи появились последний раз? – спросил чародей, несколько не раздраженный тем, что его, Сокола, обозвали каким-то там колдуном.

– Да, пожалуй, три дня как раз и прошло, – ответил хозяин. После чего закрыл глаза и бессильно повис на веревках.

– Помер? – осведомился воевода прямо-таки с детским любопытством.

– Нет, живой. Проспит несколько дней. И помнить ничего не будет.

– Да-а, дела, – протянул Заруба.

А свищевские тем временем уже подходили толпой ко двору. Жизнь на разбойничьей дороге многому научила людей. В руках они держали не что попало, а вполне приличные мечи, сабли, копыя, сулицы, луки. Не меньше дюжины из них облачились в байданы.

– Э-э, – подал от окна голос Рыжий. – Да тут всё село вышло. Сотня, никак не меньше. Того и гляди на острог полезут...

– Сотня мужиков? – прорычал Заруба. – Эка невидаль! На лестнице любой из нас в одиночку всех сдержит. Так что наверх они не пробьются, а низ пусть себе забирают.

– Вода, еда есть. Продержимся до подхода подмоги, – согласился с начальником Дуболом.

– А если дом запалят, что тогда? – спросил Рыжий.

В комнате повисла тишина.

– Говорил же тебе, чародей, распустил князь мужичьё. В конец охамели, – буркнул воевода и ответил Рыжему. – Если запалят, будем в лес прорываться. Один чёрт княжича там искать.

– Голубя посылать надо, – предложил Дуболом. – Паренек когда еще добежит. Да и перехватить его могут.

Переглянувшись с Соколом, воевода кивнул головой. Чародей достал лоскут тонкой ткани, а Тарко бросился к сумке, в которой хранилась клетка с голубем.

Пока Сокол писал, Заруба придумал, как усугубить силы обороняющихся. Зашёл в комнату с плененными разбойниками и объявил:

– Вот что. У нас тут война затевается с мужичьём местным. Приступом нас взять, убогие, задумали.

Заруба сверкнул глазами.

– Но не надейтесь, что через это вам свобода образуется. Монахи здесь воду мутят. Те же, что двоих ваших зарубили. Потому расклад таков: хотите получить свободу, – вставайте на нашу сторону, а нет – подышайте в путах, как бараны.

Все пятеро долго думать не стали – согласились.

– Оружие ваше вон там, в углу свалено. Берите кому что надо. Но если кому-то из вас вдруг пришла в голову мысль к местным переметнуться, то помните! – воевода перешел на зловещий шёпот. – Разыщу, поймаю, на кол посажу или колдуну вон отдам – он вам мигом дырку в голове просверлит и мозги ваши через соломинку вытащит, а вместо мозгов помётом куриным голову заполнит, и будете у него рабами вечными с душами погубленными.

Он помолчал и добавил:

– Однако уж если верность сохраните, волю получите, слово даю.

Хоть и неправильно расплыть силы, решили прежде времени стены острожные мужикам не сдавать. Ворота закрыли, припёрли для верности брёвнами. Пятеро прощённых разбойников, под рукой Рыжего, забрались с луками на крышу ближайшей к воротам постройки. Дуболом с начальником встали за воротами, остальные остались в доме.

Увидев на крыше лучников, подступающие селяне остановились в десятке шагов от острога. Толпа выпустила вперёд человека, который раскинув пустые руки, приблизился к воротам и постучал.

– Кто таков? Чего надо? – спросил Дуболом через малое окошко в двери.

– Отдайте колдуна по-хорошему. Остальным ничего не сделаем, – заявил парень, даже и не подумав представиться.

– Ишь ты, хулавый какой. А знаешь ли ты, что здесь распоряжается княжеский воевода? Если вы ударите по нас, потом за крамолу ответить придётся.

– Про то никто и не узнает, – ухмыльнулся парень.

– Одумайся. Половину села порубим, – попытался образумить селянина Дуболом

– Моё дело предложить... – пожал тот плечами и вернулся обратно к своим.

В мужиков явно вселился бес. Чего бы им ни наговорили про злого колдуна, нападать на княжеских дружинников было с их стороны полным безрассудством.

Но они напали.

После первой попытки прорыва повстанцы отхлынули, оставив лежать возле ворот четверых, с торчащими из тел стрелами. Двое ещё корчились, а двое, видимо, уже отошли. Среди селян порочных дел мастеров не нашлось, и бить ворота тараном они не додумались. Толпа стала растягиваться, беря двор почти в сплошное кольцо, за исключением крутой над-речной стены. Теперь пятью луками нечего было и думать остановить напор. Выпустив ещё по стреле и, вроде бы, кого-то даже зацепив, Рыжий увёл разбойников с крыши. Чего доброго, ворвутся мужики внутрь и не просто станет к своим пробиться.

Острог, может, зверя какого, или там мелкую шайку и сдержал бы, но сотня селян управлялась с ним довольно легко. Воевода с Дуболомом, прикрывая один другого, лихо рубили головы лезущим в проделанные щели мужикам. Лишь однажды, пожалев слишком уж юного паренька, Заруба ударил плашмя. Оглушил того, не убивая, да и сам доброте своей подивился.

Скоро ополченцы полезли отовсюду. Дружинники отступили к хоромам, куда уже вернулись лучники. Сам Рыжий, опасаясь скорого пожара, догадался выпустить из пристройки лошадей. Теперь животные носились по тесноте двора, сбивая с ног и топча зазевавшихся селян. Когда Рыжий, последним из всех, заскочил в дом, двери заперли, заложили бревном. После чего, для верности, принялись заваливать проход лавками, столами, бочками, всем, что попадалось под руку.

– Ну что, десяток уж точно положили, – довольно ухмыльнулся Заруба. – Если не сразу решат полымя пускать, то самое малое ещё столько же уложим.

Дом палить пока никто не собирался. Предприняв попытку снять дверь с петель и потерпев неудачу, свещевские взяли рубить её топорами – это у них выходило куда толковее. Осаживая напуганных селян, двое разбойников поочередно стреляли из луков сквозь единственное выходящее в эту сторону оконце, но натиск не ослабевал. Когда дверь изошла на щепки, воевода распорядился подниматься вверх. Сам же с Дуболомом остался до поры внизу.

Тут у мужиков вновь вышла заминка. Пока несколько человек попытались растащить завал, их напичкали стрелами точно ежей, отчего завал только укрепился. Убрав меч в ножны, воевода принялся орудовать копьем, нанося удары сквозь нагромождение. Второго входа дом не имел, окна узкие – не пролезть, и продержаться уже на этом рубеже они могли сколь угодно долго. По крайней мере до темноты. Но тут в дело вступили откуда-то подошедшие чернецы, и битва разгорелась с новой силой.

Двумя-тремя умелыми распоряжениями монахи упорядочили толпу, разделив селян на несколько отрядов и придав смысл их действиям. Одни продолжали осаждать дверь, но уже не совались по глупости под стрелы и копья, а растаскивали понемногу завал. Два других отряда попытались взять хоромину с двух сторон по приставным лестницам, через крышу.

Тарко с Соколом укладывали вещи, готовясь к побегу, когда в окне промелькнула тень лезущего по стене человека. Тарко подскочил к окну и недолго думая рубанул мечом по лестничной основе. Лестница из набитых на единственную жердь перекосячин тут же преломилась, мужик, не успевший закрепиться на крыше, повис, а его ноги болтались прямо напротив окна.

Можно ему было бы и прыгнуть, высота хоть и большая, всё же не смертельная, однако страх не позволял разжать пальцы. Тут наверх поднялся Рыжий. Быстро оценив обстановку, он поставил лук в угол и подошел к окну. Отметив, что сапоги на мужике совсем не мужицкие, а значительно добрее его собственных, Рыжий принялся те сапоги стаскивать. Висящий мужик поначалу брыкался, но, поняв, что может сорваться, притих. За сапогами пришла очередь пояса. Дотянуться до него удалось с большим трудом, лишь высунув наружу всю руку. Но только цепкие пальцы схватили пояс, как мужик сорвался. Однако Рыжий добычи не выпустил, и бедолага повис за окном. Втащить его внутрь не позволяли размеры окна, отпускать же пояс Рыжий не пожелал. Попробовал развязать – не вышло – натянутый пояс запросто не распутаешь. Так и стоял он возле окна с глупой улыбкой.

Положение спас Сокол. Подошёл к молодому товарищу, вздохнул и резко ткнул пальцами под ребра. Рыжий от неожиданности кулак разжал и мужика выпустил. Снизу раздался хруст, затем стон – стало быть, живой остался.

– Ты, Сокол, чего? – спросил Рыжий, раздражённый потерей пояса.

Тот, подумав как лучше объяснить, ответил:

– В полуденных странах так мамонь ловят. Насыпят в выдолбленную тыкву зерна, дырку малую оставят. Мамонь приходит – думает взять легко. Руку просунет, схватит горсть, а обратно кулак не лезет. А разжать – жадень давит. Так мамонь там и ловят.

– Я же не мамонь, – рассердился Рыжий.

– Ты не мамонь, – согласился чародей. – Ты пальцы разжал.

Примерив сапоги, Рыжий покачал головой и протянул их Тарко.

– На, тебе, пожалуй, в самый раз будут. Мне тесноваты.

Тарко возражать не стал, забрал сапоги и, не примеряя, уложил в сумку.

Тем временем завал у двери растащили, и воевода с Дуболомом рубились уже на лестнице. Вчерашние разбойники, засев на верхних ступенях, через головы мечников лупили по ворвавшимся селянам из луков. Всё бы хорошо, но с крыши уже раздавался стук топоров, и воевода решил сворачивать бой на этом участке. Загнав отряд наверх, он несколькими мощными ударами обрушил лестницу. Низ остался за осаждающими. Наказав Дуболому сторожить провал, Заруба повёл остальных на крышу. По пути к нему присоединились Тарко, Рыжий и Никита.

Вечерело. Крышу ещё подсвечивало заходящее солнце, а вот двор совсем погрузился в сумрак. Селяне, что оставались внизу, как-то поостыли к схватке, занялись разведением костров и приготовлением факелов. Те немногие, что забрались наверх, серьёзного сопротивления отряду не оказали. Крышу очистили быстро.

После этого вражеское наступление выдохлось совсем. Защитники тоже подустали. Перевязывая несерьёзные, но многочисленные раны, расселись в большой комнате, стали держать совет. Выбор был невелик. Остаться, ожидая подкрепления, которое неизвестно ещё когда прибудет, или уходить, пользуясь наступившей темнотой.

Мнения разделились. Князь кмети полагали правильным ждать подмоги, другие держались того, чтобы уходить. Последнее слово оставили за чародеем, так как именно его послал князь на поиски сына. Остальные только сопровождали. Сокол же склонялся к скорейшему оставлению ненадёжной твердыни. Другое дело – как уходить? Прорываться с боем или скрытно. На сей раз, навоевавшись за день, все согласились с тем, что уходить нужно тайно. И тут весьма кстати пришлось дневная разведка Рыжего. Он в двух словах изложил свои наблюдения.

– Если перебраться с хоромины на крышу амбара, оттуда можно легко перемахнуть через острог и оказаться прямо у реки под мостом. А там – лодки.

– Что за лодки, много ли? – спросил Заруба.

– Лодки маленькие, но места всем хватит. Отойдём вёрст на пять, да и довольно.

– А как с Тишкой быть? – возразил воевода. – Он со сломанной ногой по крышам скакать не сможет. Да дворник ещё опоённый. Жаль такого языка оставлять. Его бы князю на разговор сохранить.

– На верёвках спустим, – не растерялся Рыжий. Очень ему хотелось утечь поскорее, а в такие мгновения мысль работает быстро.

– Приметят, – отмахнулся Заруба и завёл старую песню. – Эх, распустил князь мужичьё...

– Я прикрою, – заверил Сокол.

Так и поступили. Стараясь особо не шуметь, вылезли на крышу. Свищевские частью разошлись, частью сторожили во дворе. Ослеплённые собственными кострами и ворожкой Сокола, они не заметили беглецов, и тем удалось выбраться к частоколу. Больше всего хлопот доставили полуживой хозяин и Тишка с опухшей ногой. Их спускали, словно тюки, и вместе с тюками. Чудом или случаем, но постоянный двор удалось покинуть незаметно. Спустились к реке. Там никем не охраняемые качались у берега лодки.

Стараясь не греметь сапогами и оружием, расселись, распределили поклажу. Рубанули привязь и бесшумно отошли от села. Течение само потащило лодки, лишь изредка их приходилось править, да сталкивать с отмелей.

– Дохлую мышь за их шкуры не дам, – ругнулся напоследок Заруба, грозя кулаком невидимым уже селянам.

Засада поджидала их в версте от Свищево. Монахи на поверку оказались вовсе не дураками. Возможно, просчитали путь бегства заранее, возможно, донёс кто-то, а может, отряду нарочно дали уйти из села. Так или иначе, но на одном из речных перекатов беглецов ждали. Не уцелеть бы им, не вырваться из такой западни, если бы не чутьё Сокола. Да и оно не выручило бы, собери монахи для засады достаточно сил. Но переоценили себя злодеи, взяв лишь десяток-другой селян.

Когда засвистели стрелы, беглецы, предупрежденные чародеем, уже выбирались на берег. Дружинники, соскочив с лодок первыми, прикрывали остальных. В меткости стрелкам отказать было нельзя, но охотничьи луки оказались слабоваты против воинской брони. Стрелы втыкались в лодки, в берег вокруг беглецов, падали в воду. Пара-другая застряла в доспехах, не причинив людям вреда. И только одному из разбойников не повезло. Он выскакивал из лодки последним, и его подстрелили. Подхватив под руки, товарищи оттащили раненного под защиту деревьев, но тут же и поняли, что тому ничем уже не помочь.

Силы уходили из парня вместе с кровью. Жизнь никчёмного лиходея оборачивалась смертью воина. И воевода, отвлекшись от наблюдения за противником, спросил о последнем желании, которое он, Заруба, пообещал исполнить.

– Сестра у меня в Полутино. Одна она. Сестре помогите, – Разбойник вдруг усмехнулся. – Гляжу, и у тебя, воевода, промысел, тот ещё праздник...

Так, с усмешкой на лице и умер.

– Уходить надо, Малк, – хмуро напомнил Сокол, исполнив над покойным короткий обряд, из тех, что годятся для людей любой веры.

Заруба поднялся, махнул рукой, и отряд скрылся в непроницаемой даже для луны лесной тьме.

Старый князь совсем уже измаялся ожиданием хоть каких-нибудь новостей, когда посланный с голубятни мальчишка принес ему только что полученное донесение Сокола. Вместе с мальчишкой прибыл Химарь, готовый к исполнению приказов. Ук схватил лоскуток, заглянул в него, быстро прочитал написанное и бросил:

– Срочно ко мне начальника стражи, Лапшу, сокольничего и конюшего.

– Отправить гонца Александру в Елатьму? – предложил печатник.

– Нет. Пока не нужно. Распорядись принести мне брони и меч.

– Сам пойдешь? – удивился Химарь. Стар на его взгляд был князь для военных походов.

– Давай, давай, шевелись, кому говорю! – рассвирепел Ук. – Слишком много рассуждаешь.

Печатник вышел, а князь, перечитав еще раз грамотку, задумался.

Наконец-то объявился настоящий враг, имеющий хоть какое-то отношение к пропавшему сыну. И пусть этим врагом оказались не полчища ордынцев или москвичей, не ватага злобных вурдов, а обычные крестьяне из Свищева. Тем хуже для них. Предыдущее послание с рассказом о странных монахах вселило в князя некоторую надежду на успех поисков. Разошлав с надежными купцами грамоты своим людям, он вот уже день не находил себе места в ожидании свежих вестей. Отменил все приёмы, совет, переложив, что возможно, из хозяйских забот на плечи Лапши и печатника. Но теперь пришла пора действовать, и это излечило князя от хандры лучше любого лекарства. Он недолго обдумывал послание чародея, и скоро приказы привели в движение весь княжеский двор.

Первыми на зов подоспели начальник стражи и сокольничий.

– Запереть городские ворота. Перекрыть вымолы. Не выпускать из города никого до выхода дружины.

– Каким будет пропуск для гонцов? – осведомился начальник городской стражи.

Князь посмотрел на стражника, как на недоумка.

– Никого – это значит никого. Ни один человек не должен покинуть город.

Повернувшись к сокольничему, добавил:

– Поднимай всех людей и птиц. Перехватывать любого голубя, если птица попытается покинуть город. Перехваченные послания сразу ко мне.

Не успели разойтись первые, как в княжеские хоромы примчался конюшенный с воеводой и сотником. Лапше, князь приказал:

– Поднимай дружину. Всех, и мечников, и отроков. Собери припас, но не много. Пойдём без обоза.

– А ты, – обратился он к молодому сотнику, – поднимай ополчение. Я забираю всех. Надо стены прикрытыми оставить. Замени ополченцами стражу у ворот и на стрельницах.

Вошёл Химарь. Слуги несли за ним доспехи и меч.

– Ну всё. Давайте! Живо! – отпустил князь подручных

Как он ни старался, но до вечера дружина не собралась. Ук сел в седло и сам подгонял нерасторопных начальников. Когда Лапша намекнул, дескать неплохо было бы поужинать перед выездом, князь глянул на него так, что тот сразу осёкся.

Наконец, когда уже садилось солнце, две с половиной сотни воинов сгрудились на площади возле терема готовые к походу. Князь отдал приказ, и лавина всадников вывалила из городских ворот. Кремник как-то сразу опустел, хотя, оставшийся за главного молодой старшина, выгнал на стрельницы и к воротам добрую полусотню ополченцев. Народ неопытный, лишку не будет.

Превращая жидкую грязь в плотную глину, две с лишним сотни воинов неслись по Муромской Дороге. Поначалу, в темноте, осторожно, но как только поднялась луна – значительно прибавив ходу.

Верстах в десяти от Свищева на дорогу выскочил мальчишка.

– Княже, княже! – кричал он, размахивая руками. – У меня грамотка от брательника. От Дуболома.

Его никто не расслышал, но один из скачущих подле князя всадников догадался, что мальчишка не просто так среди ночи выскочил наперерез дружине, ловко подхватил его прямо на скаку и, посадив перед собой, переспросил.

– Грамотка у меня от Дуболома, – повторил мальчишка, протянув воину послание.

Догнав князя, дружинник передал тому скатанную бересту.

– От Дуболома малец, – доложил он.

– Пусть пока с тобой едет, – распорядился князь и, не сбавляя хода, распечатал послание.

С трудом разбирая в лунном свете прыгающие перед глазами буквы, прочитал дважды. Ничего нового послание не содержало, так как писалось раньше того, что отправили с голубем, однако нашлись в нём и кое-какие подробности. Про разбойников, например, видевших воочию тех самых монахов, да про то, что узнали в Которово.

Обалдев от чести скакать в дружине подле самого князя, довольный мальчишка устроился почти у самой гривы, вцепившись в неё руками.

В село ворвались утром, едва рассвело, без разведки и без раздумий. С ходу. Готовые рубить направо и налево. Несколько десятков всадников во главе с князем окружили посто-

ялый двор. Остальные рассеялись по селу. Лапша отправлял по несколько мечников в каждый двор, мимо которого проносился его отряд. С единственным приказом – вязать всех мужиков, кого застанут в домах кмети. Сопротивления никто не оказал, и село в короткий срок было усмирено.

Правда, никаких следов монахов в Свищеве не обнаружили. И главное, не обнаружили никого из отряда Сокола и Зарубы. На постоялом дворе князь увидел лишь следы отчаянной борьбы да несколько ещё не убранных тел.

– Давайте по домам, – распорядился Ук, собрав старших дружинников. – Допрашивать всех подряд. И женщин и детей. По поводу Зарубы и Сокола. Ещё спрашивайте о княжиче и оружных монахах. Если кто начнет петь – сразу ко мне. А первым делом попа притащите. Хоть из-под земли мне его достаньте.

Лапша с прочими начальниками, не мешкая, выскочил за дверь. По домам пошли обыски. Заголосили женщины, затрещали двери, село наполнилось криками воинов и воплями мужиков.

Князь остался на постоялом дворе один. Найдя на столе остатки вчерашней мужицкой трапезы, нисколько не смущаясь, принялся жевать. Возле двери, не спуская с князя восторженного взгляда, сидел мальчишка.

– Как зовут тебя? – спросил Ук.

– Меранко, княже, – ответил тот.

Князь подозвал его к себе и сказал:

– Садись, Меранко, ешь. Найдём брата твоего.

Всю ночь они уходили от погони, продираясь сквозь сумрачный девственный лес. Бросив лодки и большую часть груза ещё на берегу, бросив связанного хозяина и тело подстреленного разбойника, оторваться от преследования они, тем не менее, не смогли. Опасаясь наткнуться глазом на сучок или поломать ноги, двигались медленно.

Хлопот добавлял Тишка. Стараниями чародея паренёк уже встал на ноги. Превозмогая боль, ковылял самостоятельно, пытаясь держаться вровень со всеми. Но не угнаться хромоту за здоровыми. Время от времени отряд сбавлял ход, давая ему возможность передохнуть.

Оттого терзала Тишку не столько боль в ноге, сколько мысль, что медленным шагом своим он подводит товарищей. Не единожды паренёк просил оставить его; вызывался сбить погоню со следа, увести монахов в сторону; убеждал, что не пропадёт, выберется, что с божьей помощью найдёт дорогу домой.

Тишку не слушали. Даже когда преследователи дышали в затылок и казалось, что сшибки не избежать, воины лишь поддерживали его под локти, Заруба шипел, приказывая умолкнуть, а Сокол решил дать Тишке банг.

Облегчающее боль зелье и помогло им, в конце концов, оторваться, выиграв пару сотен шагов.

На открытой местности и полверсты не расстояние. Но в тёмном лесу погоне требовалось время, чтобы отыскать след, так что две сотни шагов – большое дело. Тем более, беглецы использовали всякий встречный овраг и всякое болотце, дабы сбить с толку монахов.

Помимо Тишки больше других запыхался от бега Рыжий. Он напялил на себя столько железа, что с трудом мог выдерживать взятый отрядом ход. Только необыкновенное упрямство и гордость не позволяли ему закинуть в кусты тяжёлый шлем или что-нибудь из вооружения.

Воевода чертыхался. Вместо того чтобы вести сейчас на приступ села верную сотню, он вынужден был, словно лесной зверь, спастись бегством от каких-то мужиков и монахов. Не приходилось и мечтать встретить врага лицом к лицу. Конечно, трое бывалых воинов чего-то да стоят, но вот на остальных Заруба положиться не мог. Во время осады постоянного двора все показали себя неплохо, однако, сражаться в открытую – совсем иное дело.

Под утро Сокол всё чаще и чаще стал прислушиваться, даже как бы принюхиваться к окружающему лесу. Заметив это, Заруба остановил отряд и спросил:

– След какой учуял, чародей?

– Пожалуй, – согласился тот. – Дождаться бы рассвета – сказал бы вернее.

Беглецы в напряжении затихли. Шума погони не доносилось, но это ровным счётом ничего не значило.

– Всем отдыхать – и ни звука, – полушёпотом распорядился Заруба. – Если враг не объявится раньше, ждём до утра. Тогда и решим, куда топать дальше.

Люди повалились в траву прямо там, где стояли, и мгновенно заснули. Сторожить остались Сокол с воеводой. Отойдя чуть в сторону, чародей прислушивался и принюхивался, пытался что-то понять, а Заруба, прохаживаясь среди спящих, пинал под рёбра всякого, кто начинал храпеть или стонать во сне. Отдых длился около часа. Погоня всё ещё не объявилась, и, когда рассвело, Сокол решил побеседовать с птицами.

Это только так говорится «беседовать с птицами». Чародей вовсе не пытался им подражать, но шептал что-то, внимательно прислушиваясь к ответному щебету. Невежды полагают, будто птицы имеют такой же язык, как люди, мол, нужно всего-навсего выучить его, как люди учат языки друг друга. На самом же деле птичий язык больше походит на узоры, какие вышивают на тканях или наносят на утварь. Сокол много времени посвятил изучению и того и другого. И теперь с какой-то долей уверенности мог объяснить суть птичьего щебетания.

Немного подумав и сопоставив всё, что услышал от птиц, с тем, что удалось почувствовать ночью, Сокол сказал:

– Здесь был Варунок и его преследователи. И направлялись они на восход. Правда, случилось это уже давно.

– Нам-то один черт куда идти, – буркнул Заруба. – Отчего и не на восход.

Подняв отряд, чародей с воеводой повели людей в новом направлении и совсем скоро наткнулись на старое кострище. Тарко осмотрел местность, но ничего важного не обнаружил, зато подтвердил догадки чародея – отряд таки взял след пропавшего княжича. Дальше пошли веселее, понимая, что теперь не только их догоняют, но и они идут к цели, а не просто удирают от погони.

Через два часа сплошных дебрей вышли на просторную поляну.

Два монаха, два здоровенных упитанных монаха лежали в траве рядом с давно потухшим костром. Из их глазниц торчали стрелы – хватило по одной на брата. Собственное оружие покойники так и не успели вытащить из ножен. Как ни странно, здешнее зверьё тела монахов не тронуло и за прошедшие дни они наполнили вонью всё вокруг.

– К нетленным их явно не причислят, – подумал вслух Рыжий. – Даже вороньё старается держаться подальше.

– И кто это их кончил, хотел бы я знать? – произнёс Дуболом. – Вряд ли ваши дружки... Он не зло двинул одному из разбойников сапогом в бок и расхохотался.

Сокол с Тарко принялись осматривать местность, тела монахов. К их изумлению убитых не пограбили, а то, что нападавшие даже не забрали стрелы, выглядело и вовсе странно.

– Овды, – подытожил Сокол.

Воевода посмотрел на Тарко. Тот молча кивнул, соглашаясь с чародеем.

– Лесные девы? – переспросил Заруба.

– Так их прозывают славяне, – подтвердил чародей.

Овды для большинства людей оставались существами загадочными, если не сказочными. Их народом правили женщины, и оттого многие, особенно славяне, считали их неким подобием русалок или берегинь. Но такое представление было неверным – овды были настоящим народом, таким, как все прочие лесные племена. Многие мещёрцы верили, будто кровь лесных дев течёт и в их жилах. А Тарко так точно знал, что его бабушка принадлежала этому загадочному народу.

– Если лесные девы порешили монахов, стало быть, те полезли в их девичьи дела, – не без насмешки заключил воевода.

– Какие могли быть дела у чернецов в лесу, кроме погони за княжичем? – удивился Дуболом.

Ему никто не ответил.

Все вместе хорошенько обыскали трупы. Воевода с Соколом осторожно вытащили из ножен монашьи клинки и осмотрели. Мечи выглядели старыми, с выложенными золотой зернью крестами на рукоятях. И походили один на другой, как и сами святые братья. Никакого другого оружия при убитых не нашлось. Заглянули в сумки – монахи погибли не бедными – серебра и пряслиц отряд унаследовал достаточно. Под черными ризами обнаружили золотые кресты на цепях и одинаковые серебряные печати с буквой «М» и крестом посередке.

– Ага, – удовлетворенно сказал Заруба. – Вот и тайные знаки нашлись.

Тарко обошёл поляну. Заметив конские следы, подозвал Сокола. Вместе они осмотрели траву и мох вокруг.

– Коней, видимо, свели овды, – заключил чародей.

Тарко вновь согласился.

– А вот этот след наверняка, принадлежит княжичу, – Сокол показал в сторону заросших кустами холмов.

Тарко пожал плечами – он не обладал силой чародея, чтобы вот так вот запросто определить, чей это давно простывший след.

Увлечённые неожиданной находкой, они прозевали приближение погони. Промашку допустили все. Заруба не выставил охранение, его парни, не получив приказа, расслабились, а Сокол, хоть и почуял тревогу, отнёс её на счёт убитых монахов, очень уж давили мертвецы на него, путали ощущения.

Однако им опять повезло. Всю ночь не смыкавшие глаз преследователи стреляли из рук вон плохо. Ни одна из первых, неожиданных, а потому и самых опасных стрел в беглецов не попала. Поспешили со стрельбой монахи.

Выхватив клинки, дружинники вновь прикрывали отступление, принимая на себя большую часть стрел. Под их защитой отряду удалось отойти к подлеску и укрыться за деревьями.

– Проклятье! – ругнулся Заруба, вытаскивая из кольчуги стрелу. – Мечи оставили!

– Какие мечи? – не понял Сокол.

– Монахов дохлых. Забрать надо было, этим хоть поддержать для вида... – Заруба кивнул на разбойников.

Из подлеска стали высматривать врага. Когда его численность перевалила за вторую дюжину, а головы считающих совершили полный оборот, стало ясно, что отряд окружён. В кольцо ещё оставались прорехи, но уйти через них от погони не представлялось возможным – враг видел беглецов, и тем оставалось только принять бой.

Озираясь, Заруба искал подходящее место для решающей схватки. Открытое место – верная гибель от стрел. Не для того удирали. Подждать врага в лесу – значит сражаться

без строя. Разношёрстному отряду, состоящему из непроверенных разбойников и горожан, вразнобой не выстоять. Перережут по одному из-за деревьев. Впрочем, – подумал воевода, – этих неумех и строй не спасёт.

Ему, наконец, приглянулась цепь небольших холмов, на какие недавно указывал Сокол, и которыми можно было воспользоваться в качестве укрытия хотя бы от стрел.

– Отходим вон к тем кочкам, – прошептал воевода, показав направление взглядом.

Скрываясь за деревьями, один за другим, они побежали к холмам и, несмотря на оживлённую стрельбу, добрались до места благополучно. Переведя дух, Заруба расставил своё куцее войско таким образом, чтобы опытные княжеские мечники оказались по краям, а сам воевода в середине.

Невысокие холмы едва скрывали отряд от вражеских глаз. Лучники некоторое время продолжали бить наугад, и стрелы то и дело ныряли в траву или зарывались в песок между припавшими к склонам людьми. Однако напрасно переводить припас врагам вскоре надобно. В дело вступили монахи. Одновременно шагнув из-за деревьев, они растянулись полукругом, стараясь охватить холмы с трёх сторон.

Собственно чернецов среди наступающих оказалось лишь четверо, но и семеро их припешников из числа свщеских мужиков производили впечатление опытных бойцов.

Казалось бы, что могут селяне против бывалых мечников, укрытых к тому же доспехом? Но Заруба остерегался поспешных выводов.

В земле мещёрской много неглупых воинов улеглось, что недооценивали мужика. Считали, мол, выучка завсегда дикую силу одолеет. Может, оно и верно для какой-нибудь Москвы, где простым людям оружие иметь не дозволяется, однако, в мещёрских и муромских лесах всё иначе. Испокон веку здесь люди сами обороняются, с малых лет к оружию привычны. А уж богатырей деревенских, что хоть сейчас в дружину зови, по полудюжине в каждом селе всегда находилось. Таких-то монахи и отобрали.

Поэтому Заруба не пренебрёг рукавицу толстенную, со свинцом вшитым, к доспеху прибавить – щиты-то все в лодках остались. Дуболом вторую руку дубиной занял, а Никита вытащил кинжал.

Было что-то демоническое в открытом шествии монахов. Не петляя, не пригибаясь к земле, будто бы совсем не опасаясь возможных выстрелов, они уверенно надвигались на последний рубеж загнанного в ловушку отряда. Шли не спеша, но уверенно. Только что сияния святого над головами недоставало для полноты образа.

– По чернецам целься! – приказал воевода. – Они здесь всем заправляют. Им и помирать первыми.

Под просторными чёрными рясами вполне могли скрываться доспехи, и дабы не тратить попусту скудный запас стрел, Заруба распорядился подпустить преследователей поближе.

Когда враг одолел большую часть поляны, а до убежища осталось не более тридцати шагов, Заруба махнул рукой. Пять луков и два самострела разом освободились от зарядов, но и монахи, и их приспешники, продолжали идти как ни в чём не бывало. Только у одного из чернецов стрела застряла в полах одеяния и теперь болталась на ходу, задевая оперением траву.

– Заговорённые, тырык им в глотку! – закусив ус, пробормотал воевода и до белизны в костяшках сжал рукоять меча.

Сокол прищурился, силясь разгадать ворожбу, но ничего, похожего на чары, не ощутил. Он посмотрел на воеводу и едва заметно покачал головой.

Тем временем, не выдержав напряжения, один из разбойников метнулся через холм и бросился в обратную от наступающих сторону. Пробежал он не много. Лесная опушка тут же изрыгнула несколько стрел. Парень споткнулся и рухнул замертво.

– Стоять, недоумки! – рявкнул Заруба, в сердцах ударив рукавицей по ноге. – На месте стоять, держать строй, иначе всем конец.

Рыжий, хоть и ходил в приятелях у чародея, во всякого рода заговоры от стрел или клинков верил мало, потому, совладав со страхом, вдругорядь прицелился лучше. На сей раз он метил не в монаха, а в мужика – и не ошибся. Стрела попала селянину в бедро, но, заплутав в мясистой ляжке, кость миновала. Мужик споткнулся, смачно выругался, и, прихрамывая, продолжил путь.

Выстрел Рыжего не нанёс серьёзного урона, зато дал понять товарищам, что враг не так уж неуязвим, как показалось сначала. Тут и остальные принялись стрелять вернее. Монахов подбить так и не удалось, но двое свещевских до холмов не дошли.

Пришло время клинков.

Двух монахов поделили Заруба с Никитой и сразу же поняли, что те дерутся на равных с ними. Между опытными воинами завязалась тягучая борьба, где не столь часто взлетает клинок, сколь движется тело.

Дуболом взял на себя разом двух мужиков, рассчитывая управиться без труда. Не тут-то было. Он едва смог удерживать противников возле себя, что позволило тройке бывших разбойников попытаться числом завалить двух других. Но и у них ничего не вышло. Была у разбойников на троих всего одна сабля и две сулицы, и хорошо ещё, что им удавалось не подпускать свирепых мужиков слишком близко.

Сокол, невзирая на возраст, с мечом управлялся неплохо. Встретил третьего чернеца в одиночку. Не ожидая от седовласого старика серьёзного отпора, тот немало удивился, когда клинок едва не срезал ему ухо. Однако, чудом уцелев, монах тут же отставил легкомыслие, и между двумя странными воинами завязался долгий поединок. Такой, когда мудрость, но не задор определяет движения, а каждому удару предшествует трижды отмеренный расчёт.

Один на один с дюжим селянином бился Тарко. Юноше пришлось нелегко. Слишком тяжёлым был его славный княжеский меч, слишком сильны удары врага. Дрожание клинка отзывалось судорогой в руке, а о том, чтобы вращать такой меч мельницей, нечего было и думать. Благо, селянин противостоял Тарко не из самых опытных. Рубился он грубо, без выдумки, словно с топором против дерева вышел, и юноша всякий раз угадывал выпад.

В худшее положение угодили Рыжий и Тишка. В противники им достался четвёртый монах. Поначалу, остерегаясь грозного вида доспехов, он подступал к Рыжему осторожно, но скоро понял, что перед ним не витязь, а горожанин, лишь раздобывший каким-то случаем великолепную броню. Что до Тишки, то хромающий паренёк и вовсе в противники не годился. Поняв это, чернец принялся наступать без оглядки, мало-помалу беря верх над обоими. Рыжий тотчас пропустил удар в грудь и только превосходно сработанный колонтарь уберёг его от неминуемой смерти. Но он же мешал движению, и Рыжий с досадой косился на лежащий поодаль заряженный арбалет, не имея возможности пустить его в ход.

Сокол с первых мгновений боя оценил положение отряда как почти безнадёжное. Но, вместо того чтобы искать какой-нибудь выход, уловку, способную повернуть схватку к победе, он, будто бы лениво отмахиваясь от монаха, вновь подумал о Варунке.

При посольстве не случилось кого-то равного по опыту Зарубе или Дуболому. Княжича сопровождали воины лишь немногим старше его самого. И в битве, подобной той, что завязалась сейчас среди холмов, куций отряд Варунка должен был полечь в один миг. Но кня-

жич сбежал. Сбежал, невзирая даже на то, что честной схваткой в его случае и не пахло. Вырвался из хитрой ловушки, где их просто обязаны были утыкать стрелами, прежде чем кто-то из сопровождения успел бы подумать об обороне.

Почему так? Значит ли это, что Варунок изначально требовался монахам только как пленник? Живой и здоровый. И только поэтому ему дали уйти, а потом долго гнали по лесу, не навязывая борьбы, но, ожидая, когда юного князя покинут силы, когда он не сможет поднять меча. Похоже, что так.

В таком случае возникает вопрос: зачем собственно, пришедшим монахам младший сын Ука? Мёртвым он надёжней всего не смог бы передать отцу предостережение. Значит, дело не в этом, или не только в этом. Тогда – в чём? Взять княжича как заложника? Надавить тем самым на Ука? Трудно в такое поверить. Здешние князья не из тех, кто поддаётся подобному вероломству. Ук скорее начнёт войну. Пусть и с Москвой, благо, можно, налетая из-за болот и лесов, изрядно потрепать пригородки.

Нет, тут кроется что-то иное...

Сокол так и не успел добраться до конца размышлений. Положение его товарищей из просто тяжёлого стало аховым.

Заруба пересилил-таки противника – тридцать лет упражнений и войн дали о себе знать. Переминаясь до сих пор с ноги на ногу, отклоняясь от ударов и нанося ответные, воевода вдруг широко шагнул в сторону. Уловка не из тонких, но монах повернулся за ним – и подставил под удар руку. С такой раной чернец продержался недолго, скоро за рукой последовала и голова.

Спустя всего миг грузно осел бьющийся на правом крыле Никита, и воевода метнулся туда. Равновесие восстановилось. Но ненадолго. Упал, сражённый мечом Тишка. Рухнул один из разбойников, сжимая в руках перерубленную сулицу. Два его товарища дрогнули, отступили на пару шагов, строй рассыпался – и пошла такая круговерть, что теперь каждый мог легко получить случайный удар от своего же соратника.

Потеряв напарника, Рыжий нуждался в подмоге. И выручить его сейчас мог только Сокол, который и сам увяз в поединке.

Конечно, он кое-что понимал в ратных чарах, но его знания большегодились для великих сражений – прикрыть туманом полки, вселить в воинов уверенность в победе, подпустить попутного ветра в спину наступающей коннице. Для драки вроде нынешней толку от чар выходило не много. Некого здесь прикрывать туманом, да и вселять веру бесполезно, ежели воины мечом с трудом управляют. И в который раз жалел Сокол, что не пришлось ему в своё время как следует перенять науку у великого Соловья. И не познал он тайны боевого посвиста, сбивающего с ног, как говорили предания, тяжеловооруженных витязей. Слишком рано сгинул Соловей, слишком мал был тогда Сокол.

Рыжий уже шатался, будто выбирая куда упасть, а его колонтарь походил на попавший под камнепад медный кувшин. И Сокол решился.

Имел он в запасе один простенький заговор, способный ослепить противника. На короткий миг ослепить, но и эта безделица сейчас могла стать решающей. Даже не заговор, а обычный воинский приём, лишь слегка усиленный ворожбой.

Захватив пальцами щепотку песка, чародей развернул ладонь и дунул... Запорошить опытному противнику глаза невозможно, ибо тот приучен к вероятной подлости и всегда ожидает подвоха. Но не теперь. Не в случае с чарами... Песок оказался в глазах раньше, чем монах успел сообразить. Он отшатнулся, запоздало прикрывая рукой лицо. Выбросил вперёд меч, ожидая смертельного выпада. Но Сокол не пошёл на него, а использовал заминку, чтобы выручить Рыжего.

Неожиданным ударом, он вспорол бок одолеваящему товарища чернецу. Не убил, конечно, но ранил настолько, что даже Рыжий теперь вполне мог сопротивляться. Тут оправился его собственный противник, и Соколу пришлось вернуться к поединку.

Дело шло к тому, что рано или поздно они проиграют. Тем более, что у монахов в запасе был десяток-другой лучников, которые способны подойти в любой миг и просто расстрелять с холмов обессиленных людей.

Кровь текла из рассеченного лба Тарко, тяжело дышал Дуболом, и всё труднее получалось отбивать удары у Сокола. Лишь Заруба, по-прежнему сражаясь на равных, потихоньку брал верх над вторым своим противником. Но этот единственный успех уже не мог спасти положение. Последние мгновения отделяли отряд от гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.